

ДЕТКИ

Большое сердце, как океан,
никогда не замерзает.
Людвиг Бёрне, писатель.

Утро. Психиатрическое отделение Центральной районной больницы.

Тамара Николаевна

Ежедневно, кроме выходных, в половине восьмого, Тамара Николаевна, заведующая психиатрическим отделением районной больницы, переступала порог своего маленького царства. Больные её не любили за резкий и грубый характер. Кто-то из них дал заведующей удивительно «ласковое» и не совсем подходяще прозвище – «Димедрол», которое прочно к ней прицепилось. Был в отделении ещё врач, но видели её редко, т.к. она постоянно пребывала в декретных отпусках. Отделение было небольшое – всего на двадцать коек, четыре палаты. Две из них обычно пустовали из-за малого количества пациентов.

Настроение у Тамары Николаевны было плохое с утра. Вчерашнее буйное поведение мужа на фоне алкоголизма – окончательно показало, что его придётся со временем лечить. Как врач, диагноз ему она поставила давно, но надежда обойтись без применения радикальных мер постепенно таяла. Раньше всё детей жалела, не хотела их детские души травмировать семейными разборками и скандалами, а только профессионально отслеживала все отклонения от нормы в поведении мужа. Терпение было на исходе.

Обход сделала быстро, потому что все истории болезней пациентов она знала почти наизусть. Заведующая направилась в свой кабинет. В коридоре больные подходили к медсестре за таблетками. Одновременно с выдачей лекарств шёл опрос больных о самочувствии, и слышат ли они «голоса». Проходя мимо опрашиваемых пациентов, Тамара Николаевна увидела санитарку Раису Ивановну, которая, стоя на подоконнике, старательно смахивала невидимую глазом паутину по краям окна.

– Здравствуйте. Окна, как всегда, блестят. К зиме готовитесь? – спросила заведующая.

– Спасибо, холода скоро, пора начинать утепляться, чтоб работающие и больные не мёрзли, – мягко, нараспев, отвечала санитарка, не останавливая ни на минутку работу. – С коридором сегодня закончу, ну а завтра продолжу в мужской палате.

Раздражение постепенно нарастало. «Почему с мужской, а не с женской палаты?» – размышляла Тамара Николаевна, продолжая свой путь. Она вспомнила, как вчера уступила просьбе Раисы Ивановны привлечь к ремонту сломанной мебели больного, что вообще административно запрещено правилами отделения. «Как бы ни попасть в неприятную историю с этой тётёй Раей», – подумала заведующая, шагая твёрдой поступью по коридору.

Тамара Николаевна давно заметила, что больные любят Раису Ивановну, называя её просто – «тётя Рая», а она их – «детками», когда не слышит начальство. Врач слегка даже завидовала ей. С одной стороны, возраст санитарки заставлял Тамару Николаевну подумать о более молодой замене, а с другой – одинокая женщина, нет ни детей, ни мужа, ни родных. Много лет отдаёт себя только работе. Прекрасный работник, хоть и на пенсии. Живёт рядом с больницей, в своём доме, в нескольких минутах ходьбы от отделения. Обычно приходит на полчаса раньше начала рабочего дня. Решает и хозяйственные вопросы. А сейчас ей самой, пока не забыла, надо заглянуть в мужскую палату. Там что-то с розеткой случилось. Вчера жаловался больной. Если действительно есть проблема – необходимо срочно вызывать электрика.

Степан

Степан Александрович, мужчина лет сорока, лежал на больничной кровати, отвернувшись к стене. После утренних процедур он думал о том, что будет дальше. Мысленно возвращаясь к прошлому, понимал, что оно безвозвратно потеряно. Дети выросли и уехали учиться. Жена переехала к соседу Митьке, её школьному другу. Когда Степан прочёл прощальную записку бывшей супруги, с горя напился и пошёл поговорить с соседом – как мужик с мужиком.

Экс-жена предусмотрела и этот вариант. Быстро вызвала «скорую помощь», пошептала с врачом, и он оказался тут, в отделение «для психов», как мысленно он назвал это место. Когда Степану стало окончательно понятно, что произошло, махнул на всё рукой и подчинился обстоятельствам. К нему посетителей не было. Сам понимал, что ждать некого.

Лечение велось уже неделю, но внутреннее состояние Степана не менялось. Временами хотелось разгромить палату, потом наступали периоды апатии, когда организм медленно погружался в полусонное состояние. Степану начинало нравиться ходить в таком лёгком тумане. Забылся – и никаких проблем. Но в один день всё изменилось...

Он и раньше видел эту фигурку, но не обращал внимания на медперсонал больницы. Обычно санитарка следила за чистотой в палате, выдавала курящим пациентам сигареты, сопровождала больных на процедуры. Что произошло с ним тем утром – Степан не понимал. Неожиданно перед ним явился – Ангел в белых одеждах. Ангел, с лицом санитарки тёти Раи, решил поменять полотенце и заглянуть в прикроватную тумбочку. Рыжие волосы, собранные в пучок, казались золотым нимбом.

– Я могу посмотреть вашу тумбочку? – кротко спросила санитарка и улыбнулась. – Надеюсь, что не разбудила?

– Да, конечно, – ответил больной и сел на кровать.

– Может, вам помочь купить что-нибудь? – озабоченно спросила тётя Рая, заглянув внутрь пустой тумбочки.

– Деньги, возможно, остались в одежде, – развёл руками Степан.

– Я посмотрю, – снова улыбаясь, пообещала она.

Короткий диалог вывел Степана из сонного состояния. Это было как толчок в грудь. Он случайно увидел её взгляд, полный заботливости и любви, как у своей покойной матери. По такой нежности в глазах Степан тосковал уже двадцать лет, с той минуты как мамы не стало. Долгие годы он тщетно пытался найти эти чувства во взгляде жены. Но надеялся зря, как понял позже. Ранняя женитьба, из-за растерянности и страха перед одиночеством, была ошибкой.

Через два часа, тётя Рая снова подошла к Степану и сообщила, что денег среди одежды нет, но сразу принесла ему оставшиеся от бывших больных зубную пасту, мыло, мочалку. В течение дня она донесла всё остальное, что было необходимо. Так Раиса Ивановна незаметно для других взяла шефство над Степаном. Теперь он постоянно сидел на кровати и частенько выглядывал в коридор. Ждал, не пройдёт ли Раиса Ивановна мимо, чтобы невзначай поймать её взгляд, в котором он неожиданно нашёл то, в чём так давно нуждался.

Василий Петрович

Наталья сидела напротив мужа, доставая из сумки заботливо приготовленную для него домашнюю пищу и по дороге купленные фрукты. Её супруг, маленький и лысый мужчина лет пятидесяти, угрюмо смотрел на всё, что она выкладывала на тумбочку, и думал, как долго ещё жена будет мучить его своим присутствием. Во время таких посещений «голоса» особенно издевались над ним.

– Похоже, не собирается уходить, – сказал жёсткий и властный «голос». – Скажи ей, пусть уходит. Посмотрела на тебя и хватит, достала своими пирогами».

– Ну не могу же я сразу выгнать – пытался сопротивляться Василий Петрович, – всё-таки жена, да и ехать – не ближний свет.

– Что?! Ты посмотри только на это произведение искусства. Лучше найти не мог? – с сарказмом продолжал «голос». – Тоже мне Джоконда!

Василий Петрович решил просто не отвечать «голосу».

С супругой он не знал о чем говорить, поэтому начинал раздражаться, косо оглядываясь по сторонам. Раздражало всё: полнота пятидесятилетней жены, одышка, редкие волосы на её голове, старые сапоги, но больше всего – непонятное чувство, похожее на нежность, которое ещё теплилось где-то внутри его и мешало, как что-то чужеродное.

– Всё, хватит, вставай, пошли в палату! – скомандовал властно «голос», сопротивляться которому у Василия Петровича не было сил. Больной начал отличать этот голос от остальных и дал ему кличку – Главный.

В палате к Главному присоединились два визгливых «голоса» и стали ругать Петровича, что взял продукты у жены. «Хорошо, что никто их не слышит», – думал несчастный про себя, одновременно перед ними оправдываясь, уже позабыв про заплаканную супругу.

Вдруг все «голоса» стихли, а Главный резко дал команду: «Опусти глаза! Она идёт!». Василий Петрович сразу понял, о ком речь. Только было интересно, почему ему запрещено смотреть в глаза и разговаривать только с этой санитаркой? С «Димедролом» и другим медперсоналом отделения ему «голоса» разрешали общаться. Страх сковал с новой силой. Безопаснее всего было просто не сопротивляться этим командам.

Еду для Василия Петровича приносили в палату. Главный запретил выходить в коридор и в столовую. В это время Раиса Ивановна принесла обед и заботливо поправляла его постель.

– Что лежишь? Отойди к окну, жди там, пока не уйдёт. Опять пялишься на её руки? – озлобился Главный. – Долго буду тебе объяснять, что это наш враг? Начинай есть, сколько можно с тобой нянчиться!

Василий Петрович безропотно взял ложку и начал есть после того, как тётя Рая покинула палату. Бедняга даже не пытался думать над словами Главного, почему санитарка для него враг, понимая, что тут же последует наказание от «голосов». Для себя он выяснил одну важную вещь – Главный боится этой санитарки. Василий Петрович попытался вспомнить доброе лицо Раисы Ивановны. В её взгляде было то, что так влекло к ней – какой-то новый, яркий и необычно красивый мир. Тут же, неожиданно появившийся страх в Василии Петровиче, мгновенно подавил зачатки интереса к санитарке. От «голосов», особенно Главного, он испытывал животный страх, как в детстве перед своей матерью, жестокой и властной женщиной.

Дед Иван

Иван Семёнович терпеливо стоял у окна. Ждал Раису Ивановну.

В больницу его привезли дети, через два месяца после похорон жены. Откуда опять взялись слезы, ему было непонятно. После двухнедельного приёма лекарств, слёзы пропали, сон стал восстанавливаться, хотя соседи на деда жаловались, что ночами долго ходит по палате. Дети приезжали ежедневно, но встречаться с ними не хотелось, общих тем для разговоров не было. Внуки тоже не интересовали. Уже выросли и разлетелись. В свои семьдесят лет дед Иван утратил смысл своей дальнейшей жизни.

Одним вечером, после ужина, дед Иван вышел в коридор погулять. Он остановился у окна, где Раиса Ивановна поливала цветы. Разговор завязался сам собой. Сначала о каких-то пустя-

ках, а потом незаметно для самого себя, рассказал чужому человеку свою жизнь. Это случилось впервые у деда Ивана, так как он был очень осторожен в общении и избирательно относился к людям. К такому откровению привело сердце, которое чувствовало внутренний покой и доброту санитарки. В согласии кивая головой, тётя Рая незаметно задавала вопросы в продолжение разговора. В конце беседы Раиса Ивановна задумалась.

– А мы вас давно ждали, – спокойно сказала она, – такие люди, как вы, нам очень нужны.

– В каком смысле – «ждали»? – удивлённо спросил дед.

Встав из-за стола, она повела его по коридору, в какое-то подсобное помещение. В маленькой и узкой комнатке находилось множество табуреток, стульев и другой поломанной мебели, собранной со всей больницы.

Вчера, Раиса Ивановна должна была обсудить вопрос с «Димедролом» о возможности деду Ивану оказывать помощь больнице, которая так нуждалась в руках профессионального столяра. Время ожидания тянулось медленно.

С этого дня, под наблюдением Раисы Ивановны, дед Иван начал ежедневно в кладовой ремонтировать мебель с семи до десяти вечера. В палату дед возвращался спокойный и довольный. Проблем со сном больше не было.

Дядя Витя

Результат лечения дяди Вити замечали в палате все. Его постоянные разговоры с умершим в Саудовской Аравии братом-близнецом, становились всё реже и короче. По прибытию в отделение, Виктор Фёдорович мог часами беседовать с ним, обсуждая политические новости в мире и финансовое положение арабских государств. Изредка к их диалогу подключались покойные дедушка с бабушкой, пытаясь вразумить близнецов.

Вот уже два дня, как он про собеседников не вспоминал. Да и некогда стало. Неделю назад, в свой шестидесятилетний юбилей, бегая курить, дядя Витя простудился. Физиотерапевт прописал ему лечение УВЧ на левое ухо. Сопровождая дядю Витю на процедуры в другой блок больницы, тётя Рая терпеливо выслушивала от больного новости с Востока. В лице Раисы Ивановны больной нашёл прекрасного слушателя. Они прекрасно ладили, поэтому Виктор Фёдорович озаботился будущим тёти Раи. После очередной беседы с братом, санитарке было сделано предложение принять ислам, чтобы потом, через родственника больного, её выгодно сосватать в той же Саудовской Аравии. Раиса Ивановна была на всё готова. Но для сначала, она предложила дяде Вите помочь ей, подобрать что-нибудь для чтения, в качестве подготовки к такому серьёзному шагу. Больной радостно согласился.

Библиотека отделения была довольно большой. Объёмный книжный шкаф был полностью укомплектован классической литературой. Спонсоры привезли книги из какой-то заводской профсоюзной библиотеки. В первый день дядя Витя не отходил от шкафа с книгами, перебирая их. В последующие дни, больной отрывался от чтения только на процедуры и приём пищи.

Прошла неделя.

Василию Петровичу стало хуже. Пришлось отправить больного в областную психиатрическую больницу. Дед Иван выписался. В тот же день устроился работать в больницу столяром, на полставки. Вместо их, в палату положили kleптомана Владлена Львовича и призывника Игоря. Дяде Вите, на обходе, врач пообещала полное выздоровление через несколько дней.

Сегодня, после обеда, оформили выписку Степану. Одевшись, он топтался на выходе, размышляя, что дальше делать, куда идти. В это время, из раздевалки, вышла одетая в простенькое демисезонное пальто – тётя Рая. Она улыбалась Степану.

– «Ну что, пойдём, остановишься у меня, – мягко сказала она, – поживёшь, а там посмотрим, что дальше будет».

Тамара Николаевна задумчиво стояла у окна, наблюдая, как падал крупными хлопьями первый снег. Мимо корпуса шли два человека. Заведующая сразу их узнала. В сердце Тамары Николаевны опять кольнуло что-то похожее на ревность.

Высокая статная фигура Степана излучала щенячью радость. Казалось, что он сейчас начнёт подпрыгивать. Мужчине приходилось постоянно замедлять своё движение, подстраиваясь под маленький шажок попутчицы. Вторая фигурка умиротворённо и уверенно семенила рядом.

«Как долго я этого ждала, будет мне, как сын. Услышал Бог мою молитву, благословил», – думала Раиса Ивановна, легко шагая и улыбаясь.

ВИКИНГИ ПРИПЛЫЛИ!

1. Наше время. Сибирь.

Рабочий день в брачном агентстве «Василёк» сегодня начинался с оперативки. Заканчивалась двухмесячная подготовка к приёму группы женихов из Норвегии. Завтра ожидали её прибытие. Обсуждали все детали встречи, делали последние звонки. Перепроверяли наличие мест в гостинице, время работы заказанного транспорта, ресторанное меню, напоминали клиенткам о мероприятии.

Лидочка и Алла дружили ещё со школы. Брачными проблемами, как своими, так и всего человечества, подруги решили заняться два года назад. Закончив институты, но не найдя работы, они увлечённо осваивали приятный и интересный для них брачный бизнес. Лидочка, обладая знаниями английского языка, сразу позаботилась о себе. Не долго думая, быстро нашла в широких просторах Интернета себе жениха. Через полгода она вышла замуж и уехала жить в Норвегию. Алла, оставшись одна, погоревала, но дело не бросила. Поддерживая связь с верной подругой, она продолжала взаимодействовать с ней на расстоянии, чтобы найти новые пути ликвидации безбрачия своего региона.

Лидочка предложила привезти группу мужчин из Норвегии для знакомства с русскими невестами. Алла немного сомневалась, что найдутся такие желающие в далёкой Скандинавии, но согласилась. Лидочка была не только легка на подъём, но и скоро на руку. Через неделю она дала объявления в нескольких норвежских газетах. Алла переживала, что дорогой брачный тур не будет востребован, но подруга уже знала психологию обеспеченного норвежца, которому надоели Канары или Альпы. Она была уверена, что им захочется «острого перчика» в лице незнакомой России. Главное правильно этот «перчик» подать клиенту.

На удивление подруг, многих норвежцев заинтересовало их предложение. Не подумав, беспечная Лидочка указала в объявлении номер своего телефона. От несмолкающих звонков, телефонный аппарат раскалился, из чёрного цвета, перекрасился в бордовый. Быстро набралась группа из двадцати мужчин-норвежцев, желающих познакомиться в далёкой Сибири с русской женщиной, умеющей варить борщ и жарить котлеты. А может встретить там свою любовь...

Лидочка в Норвегии занялась организацией поездки, заказывала и покупала билеты, проводила анкетирование женихов. В России, работники «Василька», тоже активно готовились к приезду гостей. Была обновлена база невест, составлена программа встреч, разработаны все мероприятия по приёму гостей. Лидочка оформляла всех желающих мужчин в брачный тур, а Алла основательно выбирала каждому жениху по две невесты из массы желающих выйти замуж. Рассматривались не только обеспеченные кандидатки на знакомство, которые могли позволить себе от души погулять в ресторане, но и такие, которые подходили бы по возрасту, что было указано в анкете жениха.

Помощницы директора Катя и Света, задумчиво рассматривали фотографии и анкеты женихов, полученные по интернету от Лидочки. Каждая из них имела свой интерес. Света визуально отбирала тех женихов, кто мог бы понравиться маме.

– «Было бы неплохо после своей недавно прошедшей свадьбы маму отправить жить в Норвегию. А самим остаться жить в её квартире» – мечтала Света. Сейчас молодожёнам приходилось снимать жильё. Маму она внесла в список первой.

Екатерина, перелистывая анкеты, подбирала из кандидатов мужа себе. Выбор выпал на Свейна. Пробежала глазами в последний раз его анкету и задумалась.

– «Устраивает по всем параметрам, в том числе и в материальном плане. Хорошая работа, имеет дом, путешествует, – размышляла она, разглядывая его фотографию. – С внешностью есть небольшая накладка, нос курносый, но для меня это не принципиально. Возраст устраивает тоже. Надо основательно подготовиться к встрече. Костюм для такого случая купила ещё месяц назад. Завтра к восьми утра в парикмахерскую на укладку. В свои тридцать два года уже пора определяться с дальнейшей жизнью. Для чего тогда сюда устраивалась на работу?»

Алла, сидя в кабинете директора, сразу увидела, что один из женихов, Томас, очень похож на её отца. Если этот мужчина – её судьба, то пусть их души негласно соединятся. С первого взгляда. Романтическая душа руководителя брачного агентства была возвращена на любовных английских романах прошлых веков. Ранее, Лидочка ещё пыталась вернуть подругу к реальному подходу в этом вопросе, но – безуспешно.

2. Восьмой век. Скандинавия.

Человек, не спеша, шёл по берегу залива. Огромная фигура дышала физической силой и мужской красотой искусного воина. Лёгкая поступь указывала на прекрасное владение телом. В одной руке викинг держал топорик, а в другой щит из кожи. На нём была льняная рубаха, и поверх неё шерстяная. Они не смогли скрыть его широкий торс и развитые мышцы. С широких плеч свисала квадратная тёплая короткая накидка коричневого цвета, слегка прикрывая мощные мускулы рук. Кожаные башмаки достигали лодыжек, прихватывая концы штанов.

Густые длинные светлые волосы красиво спускались по плечам. Аккуратно прибранные борода и усы придавали некое изящество его суровой внешности. Большие голубые глаза были задумчиво устремлены вперёд.

Окружающая его природа дышала красотой и благородством. В вечерней тишине леса было хорошо слышны редкие шорохи, изредка прерываемые резкими криками птиц. За лесом начинался скалистый подъём. Огромные и суровые скалы верхушками упирались в затянутое тучами небо. На вершинах некоторых из них белым пятном растекался ещё не растаявший снег. Ветра не было. Несколько чаек спали, качаясь на воде, засунув клюв в перья. Кое-где весело плескалась рыба, оставляя круги на глади фьорда. Но одинокий путник не замечал блаженный покой природы, погружившись в размышления.

Завтра с воинами своей дружины викинг отправляется в морской поход для приобретения славы и богатства. Дружина имеет несколько лодок, на которых они ходят в дальние морские плаванья. Возглавлял их дружину молодой вождь – ярл Тургейр из знатного клана, но даже ему пришлось выкупать землю, чтобы разместить на ней свою многочисленную семью, свободных от походов викингов и работающих на него рабов. Рагнару тоже пришлось покинуть семью и стать викингом, мечтая о своей земле. Сегодня, перед отплытием в поход, он не забыл посетить родичей и попрощаться.

Родственники просили привезти из похода трёх женщин. Рагнар не любил насильно забирать женщин с завоёванных земель, как это делали другие викинги. В восьмом веке даже в голодные годы, уже не относили младенцев, особенно девочек, в лес умирать, как делали раньше, когда питания было недостаточно. Но жён на всех, всё равно не хватало. Конечно, Рагнар согласился привезти женщин, потому что хранил верность всему своему клану. В нём Рагнар пользовался особым уважением, как викинг, совершающий военные морские экспедиции в чужие земли. Отдыхая после очередного похода, он помогал новичкам, обучая их военному делу, имея в этом большой опыт.

Сейчас Рагнар возвращался с соседнего поселения, где посетил Уну-провидицу. В тумане куренья она смотрела в его будущее и говорила что-то странное. Викинг не понял из её предсказания – встретит или нет свою любимую в походе. А жену иметь он хотел, только если полюбит её так, как ярл Тургейр свою жену Хельгу. Жить с рабыней или наложницей, как делали другие викинги, он не желал. Не мог представить рабами своих детей. Рагнар давно ощущал на себе внимание женщин. Решение, кого брать в жёны, он отдал в руки Богам и своему сердцу. Жертвоприношения по этому поводу совершал постоянно, чтобы получить благословения Богов. Выкуп уже приготовил.

– Кто знает, может только в чудесной стране Вальхалле я встречу её, когда моя душа уйдёт отсюда, – думал он, вышагивая вдоль залива.

3. Наше время. Сибирь.

Анна собиралась в ресторан. Три месяца назад она обратилась в брачное агентство, чтобы ей помогли найти друга по жизни. Познакомилась с Аллой и её коллективом, быстро нашла с ними общий язык. Через месяц они предложили встречу с норвежским женихом, предупредив, что будут там и другие желающие с ним пообщаться. Анна приняла приглашение, рассуждая по принципу – «чужого – не надо, а своё – никуда от меня не денется». Почему не посмотреть на заграничных женихов? Отдохнуть от каждодневной рабочей суеты было уже давно необходимо. Работа главным бухгалтером фирмы выматывала. Серые выходные не радовали.

Банкетный зал для встречи был заказан на первом этаже гостиницы, где остановилась норвежская группа. Когда Анна прибыла по указанному в приглашении времени, все гости усаживались на свои места согласно именованным табличкам на столе. Около каждого жениха с двух сторон сидели потенциальные невесты, подобранные для них агентством. Организаторы, быстро рассадив участников мероприятия, дали знак ведущей и переводчику начинать заранее расписанный вечер знакомств.

Приятная музыка, шутки и бодрый голосок ведущей постепенно разрядили напряжённую обстановку за столами. Официанты стали бойко подносить салаты, подливать напитки. Конкурсы, разработанные организаторами и ведущей, постепенно сближали всех сидящих за столами. Кто-то из норвежских гостей уже пытался самостоятельно общался с соседками. Час пролетел незаметно. Начались танцы.

Анна наблюдала за сидящим рядом с ней норвежцем. Как все приехавшие женихи, он был скромн и постоянно неестественно улыбался. Ей хотелось его по-матерински подбодрить, погладив по голове, и сказать, какой он хороший. Жених напоминал неуверенного в себе первоклассника, которого в первый раз вызвали к доске. Его по-женски нежные и слабые руки для неё были важным показателем. Анна, сразу же мысленно, без сожаления, подарила его другой невесте, и сосредоточилась на деликатесах и мобильном телефоне. Соперница, заметив это, была безмерно счастлива и, не теряя времени, тут же перевела всё внимание норвежца на себя.

Алла была разочарована. Её надежды на встречу своей судьбы рухнули. Она приветствовала группу и вместе с помощницами, сама расселяла гостей. Томаса узнала сразу, как он вышел из автобуса. Его глаза были постоянно направлены на собеседника, с которым он не переставал говорить, как вышел из транспорта. Когда Аллу представляли группе, он в это время отвечал на телефонный звонок, даже отошел, стараясь не мешать другим. Перед распределением номеров Томас попросил директора агентства заселить его рядом с номером нового друга, с которым общался всю дорогу. Как потом выяснила Алла,

друзья говорили только о рыбалке. Так её мечта о том, что их души с Томасом соединяться при первом взгляде друг на друга, была перечёркнута суровой действительностью. Сейчас же, Томас чинно сидел между двумя пышногрудыми дамами, любезно им улыбаясь и одновременно поглощая оливье.

У Светы от нервного напряжения начал болеть зуб. Она уже сто раз пожалела, что привела маму на эту встречу. Её любимая мамочка, была продуктом перестройки. Она на себе познала рыночную экономику, таская тяжелые баулы товаров из Польши. Теперь, её три торговые точки на рынке дохода уже почти не давали. Зимой чтобы не замёрзнуть, стоя на улице за прилавком, частенько приходилось согреваться горячительным. Мама обычно знала его норму. Сегодня произошло то, что Света никак не ожидала. Мамина конкурентка оказалась на удивление хитра и расторопна. Она быстро втёрлась в мамино доверие и постоянно подливала водочку в мамину рюмку, провозглашала тост за тостом. Отказы не принимались. Когда начались танцы, мама уже была не в состоянии вальсировать. Победоносно улыбаясь, конкурентка уводила от неё норвежский оплот надежды.

Екатерина разработала стратегию и тактику еще накануне. Увидев Свейна, она сразу приняла его таким, какой он есть. С нее ростом, худой, невзрачная внешность. У неё была цель. Посадив его между двумя клиентками агентства, она постоянно наблюдала за ним. Подпоив жениха, две невесты по очереди приглашали его на танцы. Напряжение между дамами стало нарастать. Придумав накануне причину, Катя заранее договорилась с директором, что она уйдет за час до окончания банкета. Поймать Свейна, выходящим из туалета, было так просто. Она взяла его под руку и уверенно предложила прогуляться. Он решил, что это организовано по программе, и согласился. В этот вечер никто их больше не видел.

Когда принесли горячее, танцы уже были в самом разгаре. Норвежцы сидели красные, со счастливыми лицами. Невесты наперебой их угощали, стараясь угодить. В общении помогали словари и жесты. Кто-то уже определился с выбором, и образовавшаяся пара уединялась, покидая банкет. За некоторых женихов борьба разгоралась всё сильнее. Особенно «повезло» маленькому и рыжему норвежцу. Конкурентки сцепились не на шутку. Они принципиально не желали уступать свой трофей друг другу. Бедному жениху приходилось танцевать сразу с двумя, со страхом улыбаясь обеим. Так с двумя ими он и покинул зал. Обе, бережно держа его под руки, направлялись в его гостиничный номер. К окончанию банкета за столами никого уже не осталось.

Отдохнувшая Анна помогла Свете посадить ослабевшую маму в такси, попрощалась с грустной Аллой и отправилась домой.

4. Восьмой век. Скандинавия.

Рагнар вернулся из похода, опять не найдя для себя невесту. Как обещал родным, привёз в жёны им трёх женщин. Брал четырёх, но одна из них не выдержала путь, умерла.

Добыча была богатой. Серебро и золото, ювелирные изделия и оружие, ткани и меха, орудия труда и дорогая посуда. Все это представляло собой товар, ценности, подлежащие обмену среди кланов.

Особо было много золота. Вместе с золотыми изделиями взяли в плен двух ювелиров, которые обещали делать украшения. Прошлый раз привезли гончара и кузнеца. Сегодня они уже хорошо служат клану. Многие викинги везли себе работников–рабов, но это не приветствовалось ярлом, как и их продажа.

Вечером, укладываясь спать и закутываясь в медвежью шкуру, Рагнар мечтал увидеть во сне свою будущую избранницу.

5. Наше время. Балтийское море.

Паром из Хельсинки отправился в Стокгольм. Погода была прекрасная. Свейн сидел в ресторане за столиком с видом на море. Он никуда не спешил. Самое главное уже сделал, купив упаковку пива в Duty Free. Завтра будет дома. Несколько часов езды на автобусе из Стокгольма, и он в Норвегии. Свейн был доволен поездкой. Полученные впечатления окупали короткий и не дешёвый тур.

Когда норвежец покупал путёвку, у него было предчувствие, что будет какое-то приключение, но не ожидал, что оно будет таким ошеломляющим. Впервые в жизни за него в битву вступили женщины. Впервые в жизни он увидел, какие могут быть внимательными и заботливыми они к нему. Свейн никогда не получал столько любви и ласки, сколько получил в первую ночь после банкета. Вторая ночь с прекрасной женщиной по имени Катя была настолько бурной и незабываемой, что норвежский жених до сих пор находился под полученным впечатлением. Оказывается, он просто не знал, какой может быть женщина. В тумане сладостных грёз, Свейн наблюдал красочный закат.

К нему за столик подсели Томас с другом. Они продолжали обсуждать рыболовные снасти, разбавляя разговор воспоминаниями о поездке в Россию. Не говорилось вслух, но чувствовалось, что у каждого из женихов в сердце осталась зарубка от банкета. Незабываемые чувства остались недосказанными, но было видно, как крепко Россия запала им в души.

Постепенно темнело. Когда скрылась в темноте панорама, они не спеша отправились в ночной клуб. Играла медленная музыка. Программа концертов не привлекла, решили идти на дискотеку.

В основном танцевали парами свинг или хастрл. Туристов почти не было. Женщин было мало. Ближе к двенадцати подтянулись и они. В основном это были шведки. Зайдя в зал, они по-хозяйски оглядывали строй мужчин, стоящих около стены, выбирая себе партнёра. Предложив танец понравившемуся счастливчику, через пятнадцать минут женщины уже удалялись с дискотеки в обнимку с избранником.

Свейн стоял у стены, понимая, какие у него маленькие шансы сегодня провести приятный вечер с дамой. Вдруг почувствовал, как у него увлажняются глаза. Сейчас ему больше всего хотелось только одно – очутиться опять в России, в банкетном зале сибирской гостиницы, и почувствовать себя опять мужчиной, нужным женщине. «По приезду сразу же нужно будет оформить приглашение для Екатерины к себе» – думал он, глядя на стройный ряд ожидающих, когда их выберут, мужчин.

Резко развернувшись, он пошел в каюту допивать пиво.

6. Наше время. Сибирь.

Анна вернулась домой уже поздно. Засиделась у подруги. Долго обсуждали пятничный банкет. В субботу на встречу с норвежцами Анна не пошла, а сегодня утром группа улетела в Питер. Она с лёгким сердцем попрощалась с ней ещё будучи в ресторане. Завтра на работу. Пора спать.

Мгновенно погружившись в сон, Анна который раз видит одну и ту же картину. По берегу залива навстречу ей идёт человек. За его спиной высокие скалы. Огромная фигура дышит физической силой и мужской красотой искусного воина. Его лёгкая поступь

указывает на прекрасное владение телом. В одной руке он держит топорик, а в другой - щит из кожи. Густые длинные светлые волосы красиво спускаются по плечам. Аккуратная борода и усы придают некое изящество суровой внешности викинга. Его большие голубые глаза задумчиво устремлены на неё.

КУРИЛКА

Духовная пустота делает
безликой внешность человека.

*Сухомлинский Василий
Александрович, писатель*

Персия. Первая половина XVI века.

На морском берегу, под белым просторным шатром, среди подушек, возлежали двое мужчин. Один из них, что курил большой кальян, принадлежал к представителям персидской знати, в то время как другой был одет в более простую одежду. Ветер нежно касался лиц людей, стараясь донести до них морской нектар, что исходил от рядом расположенной водной глади. Шёлковые стенки богатого шатра старались создать ему препятствие, всячески мешая проникать внутрь, даже слабым его дуновениям.

– «Прочти, мой друг, Физули, твои последние творенья. Тоска на сердце, нет покоя, и сам не знаю, почему», – попросил хозяин своего гостя и затянул из трубки кальяна, что стоял рядом, на низеньком столике. Прикрыв глаза, он удобнее расположился на подушках, в ожидании услышать новые шедевры лирики, возвышенное воспевание Души и Любви, из уст автора. Но Физули пока был настроен не столь романтично, заговорив о путях поиска истины через невзгоды.

– «Печалью сердце сожжено — счастливое когда-то сердце. Свободой гордое вчера, заботами объято сердце. Его размыл шальной поток, плотины смяв, стремится и бьёт. А ведь стояло, как чертог, во всей красе богатой сердце», – задумчиво глядя на клубы табачного дыма, читал известный мыслитель и стихотворец.

Через полог шатра к ним бесшумно проскользнул слуга. Положив серебряный поднос с фруктами перед отдыхающими, быстро поменял уголь у кальяна и тихо скрылся за шёлковой занавеской.

– «Посмотри на ветер, как он свободен. Но не свободна душа моя. Страх временами терзает и рвёт её», – изливал свои душевные сомнения арабский наместник, отложив в сторону длинный мундштук кальяна. Ветер, играючи, уносил дым к морю, уже найдя щели между неплотно уложенной тканью шатра.

– «Бессилен друг, коварно время, страшен рок, участия нет ни в ком, лишь круг врагов широк, лишь страсть, как солнце, горяча, но безнадежна. Кто честен — на землю упал, зато подлец высок», – закрыв глаза, читал очередное свое четверостишие Физули, положив голову на шелковую подушку пурпурного цвета, с вышитым на ней удивительно красивым орнаментом.

Шатёр, сияющий в красоте восточной роскоши, как и его возлегающий хозяин, наслаждался философским смыслом вдохновенной лирики поэта. А в это время, неуёмно-игривый ветер, позабыв уже про шатёр и дым, разыгрался с прибрежным горячим песком, гоняя его по морскому берегу.

Англия. Начало XIX века.

Накануне вечером граф распорядился подготовить библиотеку и прилегающую к ней сигарную комнату для важной встречи. Хозяин любил проводить тут встречи с друзьями. Уютные кресла, мягкие кушетки и персидские ковры. Свободные стены от книг библиотеки, украшали картины голландских художников, а в соседней комнате, оформленной мозаикой, кроме живописи, можно было ознакомиться с коллекцией холодного оружия, гордостью графа.

С утра прислуга меняла старые бархатные занавески, уже впитавшие в себя запах табачного дыма, на новые портьеры. В сигарной комнате, чистили от копоти мраморный камин, около которого обычно стояли два столика. На одном из них выстроились бутылки с дорогими винами и напитками, на другом были разложены разных сортов сигары. Подальше стояли столики для игр и принятия лёгкой трапезы по необходимости.

Хозяин особняка, граф Эдуард де Форс, узнав, что Георг Гегель прибудет с коротким визитом в Лондон, для чтения лекций, немедленно послал философу письмо с приглашением посетить его, и приятно провести время в беседе, на что тот согласился выкроить вечер для встречи со знакомым почитателем его научных взглядов.

Гегеля он впервые увидел, когда гостил у друга в Берлине, который уговорил его посетить одну интересную лекцию по философии в университете. После прослушанной лекции, многое поменялось в мировоззрении графа. Используя связи друга, он не только познакомился с заведующим кафедрой философии, Георгом Гегелем, но и стал частенько приезжать из Лондона в Берлин, чтобы послушать выступления создателя «абсолютного идеализма». Сейчас Эдуарда де Форса интересовали вопросы государственной идеологии, основы которой он изучал в книге Гегеля – «Философия права».

Встреча с долгожданным известным гостем состоялась вечером. После ужина, граф с Гегелем удалились в библиотеку. Дискутируя, они незаметно перебрались в сигарную комнату, где Георг нюхал табак, чихал и покашливал, в то время, как куривший хозяин представлял ему свою коллекцию. Показ оружия плавно перешёл в дискуссию по вопросам философии.

Сигарная комната молча слушала для себя новые слова, как «бытие», «мышление», «прекрасная душа» и «абсолютный дух». Особенно её заинтересовали высказывания гостя об осознание духовности окружающего мира и осознание себя, как части этого мира.

– «Теперь, как будто, нужда в противном, чувство так укоренилось в земном, что требуется такая же большая сила, чтобы вознести его над земным, – рассуждал Гегель. – Дух «оказывается» так беден, что для своего оживления он как будто лишь томится по скудному чувству божественного вообще, как в песчаной пустыне путник — по глотку простой воды. По тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потери».

Сигарная комната была горда за хозяина, глядя, как уже граф, с горящими глазами, трактует философу своё видение учения об абсолютной идее. Беседующие ещё долго сидели в мягких креслах, обсуждая метод восхождения от абстрактного к конкретному и стадии философии духа.

Быстро наступила ночь. Горящие свечи и тлеющие угли в камине, придали красоте сигарной комнате, создав в ней таинственный полумрак. Новый, неизведанный мир открывался ей через рассуждения собеседников, которые через общение пытались постичь загадки в ещё неизведанных пластах философии.

Россия. Наше время.

Каждый день она встречала с радостным ожиданием чего-то нового. Вот и сегодня стояло прекрасное летнее утро. За окном, пролетая мимо, танцевал тополинный пух, исполняя красивые пируэты. А она продолжала ждать интересных встреч, хотя к вечеру обычно приходило разочарование. Обижалась, когда в разговорах её называли – «курилкой», хотя с внешней стороны двери висела табличка с надписью «Комната для курения».

Посетители рано не приходили. Рабочий день на областном телевидении у творческих натур начинался не с шести утра. Около восьми часов пожаловала с уборкой тётя Зоя. Смахнула пыль с огнетушителя и вентиляции. Проверила чистоту тонированных стеклянных перегородок и дверь, на наличие пятен. Проворно смахнув пару отпечатков чьих-то рук со стекла, очистила урны, быстро протёрла пол. Железные сиденья для посетителей и висящие на кафельной стене информационные листы о вреде курения остались без её внимания. Тётя Зоя поспешила с уборкой в туалеты.

Через два часа в комнате для курения встретила влюблённая пара. Оказалось, что наличие семьи и детей не помеха чувствам. Ирина Анатольевна, музыкальный редактор телепрограмм, только после сорока пяти лет, наконец, нашла своё счастье с, тридцатипятилетним главным режиссёром, Алексеем Николаевичем. За их бурным романом внимательно наблюдал и с большим энтузиазмом обсуждал весь женский коллектив телекомпании, в то время, как представителей мужского пола это совершенно не интересовало. Вот и сейчас, ничего нового в

комнате для курения не наблюдалось. Жаркие поцелуи и объятия, договорённость, где и когда проведут вместе время.

Следующие, с визитом к ней, в стеклянный закуток, прибыли две подруги – бухгалтер Аня и помощник режиссёра Кристина, где закулив, рассматривали и обсуждали каталог известного косметического бренда. Ближе к обеду стали подходить уже постоянные любители табачных изделий, в основном мужчины, которые между собой дружно обсуждали проблемы с автотранспортом и повышение цен на бензин.

В обеденный перерыв и до позднего вечера в комнате для курения непрерывно работала вентиляция, из-за шума которой были слышны только обрывки разговоров посетителей. Весёлое обсуждение вчерашней вечеринки, между водителем Вадиком и репортёром Димой, затянулось даже на полчаса. Телеоператор Фёдор и звукорежиссёр Родион долго обсуждали своих коллег, потенциальных конкурентов. А одиночные курильщики, в основном постоянно беседовали по телефону, но и тут, в разговорах, встречались неинтересные желчные обсуждения общих знакомых.

К вечеру, когда здание телекомпании наполовину опустело, забежали в стеклянный закуток поделиться новостями гримёр Нина и ассистент режиссёра Лидочка. Молодые девушки чуть не рыдали. Ниночка узрела к себе равнодушные корреспондента Стаса, а Лидочка приняла решение прекратить отношения с продюсером Виктором Ивановичем, раз тот ей не намекает на брачную перспективу в будущем.

Когда окончательно стихли шаги в коридорах телекомпании, комната для курения загрустила. За окном стемнело.

– «Опять ничего нового и интересного. А как хочется испытать то, через что прошли мои предки», – мечтала она, слушая, как по коридору, мимо её двери проходит вахтёр, проверяя помещения. Наконец шаги стихли. Она продолжила предаваться воспоминаниям и фантазиям.

– «Как это было раньше, при маме, затаив дыхание, впитывать в себя высокие идеи. Окунуться в те времена, когда сигарная комната, ловила каждое слово из философских трактатов про абсолютный дух, при свечах. Вот бы освоить великую мудрость, осознавая себя частью духовного мира. А ещё лучше забыться в сладостных стихах знаменитого восточного поэта, о чём ей рассказывал дедушка-шатёр. Погрузиться в размышления об истине и свободе. Как хочется отвлечься, чтобы на какое-то время потушить печаль, глядя на то, как духовно изменяется этот мир».

П Р О В О Д Ы

Людей ожидает после смерти то,
чего они не чают и не воображают.
Гераклит, древнегреческий философ

Дед Захар тихо сидел в углу избы, где он обычно отдыхал при жизни. Сегодня должны отмечать его сороковины. С любопытством смотрел на суету своих домашних и размышлял над интересно разворачивающимися событиями. Он был озадачен вчерашней встречей, с такой же усопшей душой своего односельчанина и ровесника – Архипа. Тот в прошлом году отравился каким-то суррогатом и помер.

– «Повезло Архипке, быстро и удачно приспособился к новой жизни. Как и в молодости бывало. Даже в таком состоянии, шустро нашёл себе приличное жильё. В городе, в красиво называемом – Центре ритуальных услуг, – размышлял недавно представившийся дед Захар, перебирая детали вчерашнего разговора. – Говорит, что частенько общается с другими душами, которых ещё не прибрали на Небеса. Хвастал, что вольготно и интересно живёт. Тётки, что там работают на первом этаже здания, его боятся. На них нападает страх, когда скрипит старая качалка, на которой душа Архипа постоянно отдыхает. Работающие часто слышат шаги, во время его прогулок по верхнему этажу Центра. Места там много, есть где Архипу разгуляться. Весь второй этаж сотрудники используют как склад. Обслуживают клиентов только на первом этаже, где расположен холл, зал прощания и магазин. Правда иногда бывает неприятная ситуация. Один раз в месяц приходит поп и брызгает святой водой углы склада. Может и правда, если его собственную душу не заберут, к Архипу, в этот Центр подселиться, вдвоём будет веселее».

Постепенно стали подходить приглашённые на поминки. Первой прибыла молитвенница Евдокия, которую постоянно призывали односельчане на похороны и поминки. Взглянув на накрытый стол и стоящее на нём спиртное, осуждающе насупила брови. Села около тумбочки, где стояла фотография деда Захара и рюмка водки, прикрытая куском хлеба, зажгла свечку, открыла замусоленную книжку и начала заунывно читать зауспокойную литию. Прасковья, вдова деда Захара, в это время в соседней комнате отсчитывала деньги, заранее узнав у соседней молитвенные расценки по проводам души усопшего.

– «Может, скинет за работу. Ещё при жизни Захар несколько раз ей помогал, даже чинил колодец. Хотя вряд ли, говорят, жадной стала. Сыну денег перестала давать, а мужик нуждается, детей много, кормить их надо», – размышляла Прасковья, завязывая деньги на оплату ритуальных услуг в носовой платок.

Наконец, собирались все родственники и соседи. Чтобы уместиться в избе, поставили дополнительные столы. На улице ещё холодно, поздняя весна не хотела уходить, поэтому сороковины решили проводить дома, хоть и было тесновато. Захар наблюдал из своего угла за приглашёнными. Было любопытно следить за всем, что сейчас происходило. Внимательно примечая все детали происходящего, вспоминал и сравнивал с тем, как проходили поминки сразу после похорон.

– «Интересно, о чём Анна, жена брата, захотела поговорить с Прасковьей? Неужели, змея ненасытная, о наследстве начнёт разговор? У этой не заржавеет, не оставит времени для размышления. До сих пор продолжает делёжку всего, что осталось от родителей», – затосковал Захар, понимая, что ничем не может сейчас помочь Прасковье.

Через пять минут его жена, с красным лицом и кипящая от возмущения, выскочила из спальни, куда её затащила Анна. Следом за ней гуськом семенила сноха, шипя в спину старые обиды.

Все рассаживались за столы. Каждый, слегка прихватив ложкой кутью, тут же быстро приступал к еде. В промежутках между разговорами, вспоминали деда Захара, поднимая рюмки с горячительным напитком, которого было в изобилии на поминальной трапезе.

Через полчаса, часть родственников и соседи уже обсуждали последние новости и погоду. Сваты, по привычке беседовали о политике. Отец зятя, неугомонный Кирьян, постоянно тосковал о советских временах. «В хвост и в гриву», не стесняясь в выражениях, он с удовольствием костерил нынешнюю власть, вспоминая свои счастливые пионерские и комсомольские годы. Напротив их сидели племянники, которые исподтишка посмеивались над патриотическими лозунгами Кирьяна. Зятя курили на крыльце, обсуждая что-то по работе. Дочери мыли посуду, осуждая выходку Анны. Прасковья, быстро помянув со всеми Захара, закрылась в спальне. Она горько рыдала о своей судьбе, вспоминая одиноких соседок. Глядя на них, уже имела представление, как теперь ей одной, без мужа, будет тяжело содержать дом и вести хозяйство.

– «Ну что за проводы устроили? – думал покойный.– Раньше провожали сердечнее. Вот в армию пошёл, так есть что вспомнить. Пока гости гуляли, Прасковью на сеновале успел помять. На пенсию отправляли, так после застолья с Федькой помахался кулаками. Давно напрашивался, стукач. А сейчас, что за проводы? Говорят, что на сороковины определяется место, где душа будет пребывать, а тут о ней даже не вспоминают, забыли».

Продолжая сидеть в углу избы, Захар с печалью наблюдал за родными и близкими. Ещё теплилась надежда, что кто-нибудь вспомнит о его душе и хоть словом, да отправит в «Царство Небесное», но все сидящие за столом, по привычке желали ему только одно, чтоб «земля была пухом». Тоскливо стало деду Захару. Пришло понимание, что впереди вырисовывается реальная необходимость, в подселении к Архипу в Центр. А хотелось почему-то взлететь вверх, на Небеса. Окончательно освободиться от всего, что тяготило и тянуло его вниз, не давая вырваться из этого скучного, пустого и суетного земного мира.

Душа просилась домой, в Небеса, и мысленно ждала от родных лишь одного – слово. Пожелание, которое, как ключ, откроет ей путь ввысь. Уста и мысли, сидящих за поминальным столом, уже давно были заняты другим. Недосуг им думать о душе усопшего. О своих-то, душах, некогда вспомнить...

Ф А У С Т

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.

Ведь это только вы, мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

Гёте, «Фауст»

Людской поток неторопливо заполнял театральное фойе. Валентин Константинович, директор театра, представительный мужчина лет пятидесяти, вышел встречать высокопоставленного гостя, чтобы сопроводить в ложу для особо важных персон. Улыбался, но настроение было паршивое.

– «Надо было найти новую работу ещё полгода назад, чтобы оставить театр. Хватит спектаклей в этой жизни! Одни неприятности свалились на мою голову!» – думал он, спускаясь по лестнице вниз.

– «Сплошная чертовщина вошла в мою жизнь с этой постановкой. Не верил, хотя говорили знакомые – «не надо ставить этот спектакль, не связывайся с мистикой», а теперь хлебаю негативные последствия. Жена ушла к молодому альфонсу, сын бросил институт, родители дружно заболели. Не только у меня одного такое, и в труппе на актёров свалились проблемы, как начали репетировать, двое уже уволились из театра. Эх, напиться что ли сегодня вечером и всё забыть, хоть ненадолго! Гости уже тут, улыбайся, Валентин, улыбайся, вся жизнь – игра!» – внутренне старательно поддерживал сам себя руководитель театра, негодуя на превратности судьбы.

Владислав Борисович с супругой обязательно посещали театры раз в месяц. Ему было необходимо иногда менять обстановку, чтобы расслабиться от постоянных заседаний, а жене – не потерять в себе бывшего педагога русского языка и литературы.

Сейчас он наблюдал, как директор театра старательно развлекал их рассказом о шумном успехе на последних гастролях по стране, и бойко отвечал на все вопросы жены. В ложе было уютно, кресла располагали даже к тому, чтобы вздремнуть, если будет скучновато. Прозвенели все звонки, медленно погас свет.

– «Ну, здравствуй, Гёте! Может благодаря тебе, расслаблюсь от работы хоть тут. Экономика, экономика – знаю, что всё совсем плохо, сколько же можно думать и говорить об этом!» – вяло размышлял государственный чиновник, переключая своё внимание на спектакль.

После антракта, Владислав Борисович опять приготовился к плавному и полусонному времяпрепровождению. Но неожиданно пришлось встрепетаться и задуматься, внимательно слушая, как со сцены, во дворце, казначей начал жаловаться на экономические проблемы императору – «Обещанных субсидий нет притока: Казна у нас — пустой водопровод!». Госслужащий задумался.

– «Похоже, что не только человечество, но и история экономики ходит по кругу. Минуточку, минуточку...», – лицо Владислава Борисовича постепенно расплывалось в улыбке, глаза загорелись, он весь обратился в слух, не пропуская ни одного слова из монологов, что лились со сцены.

– «А что не плохая идея, спасибо, Гёте! Почему бы и нам не пустить в оборот ценные бумаги? «Вау!», как говорит сыночек, приходя из школы. Минуточку, а вот и

название похожее, с английского. Так и назовём, что изобретать велосипед, пусть будет – «ваучер». Завтра надо срочно на работе провести мозговой штурм, определить стратегию и тактику, поставить цель, задачи, составить план. А идея занятая, спасибо, Мефистофель за подсказку!»

Вовчик, будучи личностью известной в своих кругах и уважаемый братвой, вывел в театр свою нынешнюю зазнобу. Танька была полна решимости с шиком демонстрировать высшему обществу свои новые бриллианты. Билеты, как она хотела, были куплены самые дорогие, места лучшие, всё как у порядочных людей. Танька светилась счастьем, бриллианты сверкали, Вовчик был доволен. Правда, спектакль показался слишком заумным, надо было взять билеты на что-то попроще. Глядя на сцену, они терпеливо ждали антракта, в предвкушении получить удовольствие уже от шампанского в буфете.

Проснулся от скуки Вовчик неожиданно, ближе к концу спектакля, когда на сценической площадке шёл эпизод разборки Фауста с Филемоном и Бовкидой, которые не захотели переезжать.

– «Липы стариков ему помешали! Ха! Захотел мужик на башне любоваться природой. Почему дед с бабкой упирались, тоже не понятно, предложили же им другую хату – размышлял «новый русский» – но разборки крутые, вынесли двери, угрожали, гостя зарезали, старики от страха скончались, похоже инфаркт прихватил с собой сразу двоих».

Танька протянула ему плитку шоколада. После шампанского настроение улучшилось.

– «А вот угольки невзначай уронили и дом сожгли, правильно сделали, грамотно, отпечаток и улики не оставили. Нашим надо поучиться. Завтра своим пацанам расскажу, наверняка прикалываться будут, что «под Таньку лёг», сходя в театр. А тут оказывается на сцене – как в жизни, глядишь, ещё и подскажут, что новое можно освоить» – думал Вовчик, откусывая шоколад.

Бывшая балерина Любовь Андреевна получила билет на спектакль от своей подруги, которая неожиданно заболела и не смогла, лёжа в постели с высокой температурой, даже выйти из дома. Настроение у артистки балета было не важнецкое. Молодой возлюбленный стал реже появляться у неё, ссылаясь на занятость. В сорок лет это уже должно расценивается трезво и она уже обязана решать, что делать дальше не только с ним но и с собой. А у неё возникли проблемы с кожей на лице, зрение упало. Если собрать всё по мелочам, то получается неутешительный вывод – организм начинал давать сбои и постепенно, змеёй, подползает старость.

На сцене театра кухня ведьмы, где Фауст принимает зелье для омоложения. Не слушая дальше монологов героев, Любовь Андреевна начинает думать о том, как бы ей тоже омолодиться.

– «По бабкам пора идти. Возможно, что те тоже, как и эта, в спектакле, пошепчут на своё варево, глядишь поможет. Надо завтра к соседке заглянуть. Она когда-то к какой-то колдунье бегала, привязывала мужа к дому, чтоб по бабам не гулял. Если уж это делают, то для омоложения тоже кое-что у них имеется», – определилась бывшая балерина, наполняясь надеждой подкорректировать будущее во всех сферах своей жизни.

Билеты на спектакль Гёте принесла Михаилу Ивановичу пациентка. В знак благодарности. Он был доволен, что этим являлась ни очередная коробочка конфет или бутылка

коньяка. Чего у него было в избытке. Хоть свой ларёк открывай, где можно было бы продавать только коньяк и конфеты, таково было количество подарков от благодарных пациентов.

В театр врач – гинеколог взял с собой старшую дочь, которая через год уже заканчивала школу. С дочкой он и так общается редко, всё время пропадает на работе. Жена отказалась. Похоже, что ревнует, зная, что пациентки – одни женщины, как и все его коллеги. Пока супруга мудро справляется с ревностью, не давая эмоциям выйти наружу, находя себе занятие. Вот и сегодня ушла на йогу.

Михаил Иванович любил мистику и фантастику. Получая удовольствие от игры актёров, он наслаждался неожиданным праздником. Дочка тоже была в восторге.

Вдруг на сцене общения Мефистофеля с Вагнером, во время творения человека в колбе, врач из центра репродуктивного здоровья задумался о своём, профессиональном.

– «За границей уже делают экстракорпоральное оплодотворение, опыты дают положительные результаты, может и нам пора уже начинать это делать. «Дети из пробирки» – реальность уже сегодня. Завтра надо сходить к директору центра, переговорить с ним. Прав Вагнер, прав! Человек уже сам может управлять этим процессом!»

В пустой боковой ложе, сложив руки на груди, сидел невидимый человеческим глазом Мефистофель, наблюдая за каждым зрителем. Сегодня его праздник, сегодня он на сцене. Глядя на зрителей, Мефистофель сосредоточенно размышлял:

– «Подумаешь, автору захотелось, чтобы Фауст по пьесе успел спасти свою душу! Случайно это случилось, уважаемые зрители! Глупец, он думал о людях! Людям нужно другое – власть, слава, богатство! Хоть как прикрывайте свои лукавые помыслы сладкими речами, мало кто из этой толпы спасёт свою душу. Вижу мысли каждого, не заблуждайтесь! А уж искушений постараюсь вам, слепцам, подкинуть в изобилии, поверьте мне! Ваши души будут моими. И договора, как с Фаустом, не надо будет заключать. Да и мало кто знает, что прототип героя – давно уже со мной!».

НОВЫЕ БОТИНКИ

Довольство – не результат наличия
определенного количества благ, а
состояние Сердца, которое умеет
быть довольным и благодарить!

*Нисаргадатта Махарадж
(индийский гуру)*

Виктора Николаевича всё раздражало с утра. Так испортить ему настроение мог только один человек – собственная жена. Да и одновременно на себя злился, что поленился довести дело до конца. Ведь пора уже было понять, что ни на кого надеяться нельзя, всё надо делать самому, тем более, если это делаешь не для других. Сорок лет, а похоже, что жизнь ничему его не учит.

Вчера, после завтрака, он решил сходить в торговый центр, что находился недалеко от дома. Случайно заглянул в обувной отдел, где накануне поступил в продажу новый товар, и осознал, что чудеса встречаются в жизни человека. При нём продавец ставила на витрину прекрасные мужские ботинки, о которых давно уже мечтал. Взяв их в руки, Виктор Николаевич понял состояние человека, выигравшего в лотерею. Это были шикарные и модные высокие зимние мужские ботинки. Замшевые, в чёрном цвете и с подкладкой из натурального меха отличного качества. Он хотел именно такие, с застёжкой в виде молнии и с износостойкой подошвой из полиуретана. С размером проблем не было. А вот денег с собой оказалось меньше, чем требовалось для их приобретения. Пришлось договариваться с продавцом, чтобы отложили ботинки подальше от глаз покупателей на два часа. Довольный, он поспешил домой за деньгами.

Дома жена ему сообщила, что уже дважды звонили с работы и просили срочно приехать Виктора Николаевича на завод. Там произошла аварийная ситуация, где требовался наладчик. Пришлось дать все указания по покупке ботинок супруге, а самому бежать на сверхурочный вызов, хотя мог по дороге и сам заскочить в торговый центр. Вернулся домой только к вечеру. На столе лежала коробка с ботинками. Откинув крышку, к своему ужасу Виктор Николаевич увидел совершенно другие ботинки.

Воскресное утро не радовало. Чтобы не видеть жену, виновницу его вчерашней трагедии, он вышел погулять к соседним магазинам.

– «Задержалась она немного, не успела за нужное время управиться, чтобы выкупить ботинки. Неудивительно, такая шикарная обувь ни минуты не простоит на прилавке, если вновь её выставить. Знаю, как она не успела. Наверняка, побежала сначала в отдел косметики, а потом и одежду подбирала себе. Стоит ей только попасть туда, сразу голову теряет», – продолжал злиться недовольный женою супруг, проходя мимо ряда торговых киосков.

Около одного из них, он увидел семейную пару, которая привлекла его внимание. Им обоим было около пятидесяти лет. Они внимательно изучали свою новую покупку. Женщина читала надписи на коробке, а мужчина, сидя в инвалидной коляске, примерял наушники. Одновременно шло обсуждение качества новой покупки. Наконец, весело рассмеявшись, они развернулись и пошли дальше, навстречу Виктору Николаевичу, который увидел, что у мужчины, сидящего в коляске, нет ног.

– «Лучше уж без ботинок остаться, чем без ног. Из-за ботинок переживаю, вместо того, чтобы радоваться, что руки-ноги есть. Точно, ума не нашёл к своим годкам», – сочувственно глядя на коляску, бормотал себе под нос заводской наладчик, позабыв про свои обиды и плохое настроение.

Лидия Петровна была довольна покупкой. Вот уже полгода, после ампутации нижних конечностей у мужа, она всячески пыталась занять его, отвлечь от невесёлых мыслей. Длительная и изнуряющая болезнь сделала своё дело. Врачам пришлось пойти на крайние меры, удалив преподавателю физики ноги. Теперь он долго ночам не спал, сидя за компьютером или телеви-

зором, засыпая уже только под самое утро. Чтобы не беспокоить домашних по ночам, купили сейчас ему наушники.

– «Петя, мне надо посмотреть кое-что из продуктов. Поехали в продуктовый магазин», – предложила жена, заглядывая в кошелёк.

– «Нет, тут побуду, людей немного, погода хорошая. Быстро всё купишь. Я тебя знаю, – отказался муж, выглядывая самое удобное место для коляски, где можно было бы подождать Лидию Петровну, – ты иди, я сам пристроюсь около вон тех лавочек».

Пётр Алексеевич, выполнив резкий поворот и уверенно управляя пультом, поехал к линии скамеек вдоль пешеходной дороги. Колёса инвалидной коляски с электроприводом, плавно преодолевали неровные препятствия. Он остановился около второй скамейки и стал ожидать жену. Почитав все надписи на коробке от наушников, Пётр Алексеевич заскучал.

Неожиданно его внимание привлекли два молодых человека, которые отдыхали на соседней скамейке. Они разговаривали жестами, иногда беззвучно открывая рот. Учитель физики профессионально задумался о методике обучения детей с потерей слуха и не заметил, как к нему вернулась супруга с продуктами. Наконец отправились домой.

– «Инвалиды они и я. Отличие в том, что они, похоже, с детства, а я всего полгода. Да, не повезло ребятам. Не повезло даже больше, чем мне. Лучше не иметь ног, чем не услышать красоту музыки, пение птиц, как шуршит опавшая листва осенью. Всё-таки я – ещё счастливчик», – мысленно для себя сделал окончательный вывод Пётр Алексеевич и улыбнулся жене, встревоженной его длительным молчанием.

Кирилл и Олег встретились уже после вступительных экзаменов в университет. Результаты были известны. Оба поступили, но на разные факультеты. Их переполняла радость. Жестикулируя, друзья делились впечатлениями. Подружились они ещё в школе-интернате для глухих детей, где дружно жили, расставаясь только на каникулы, когда их забирали родители домой. В начальных классах, оба мальчика в свободное от учёбы время любили посещать технический кружок, где занимались моделированием и конструированием. Позднее, два друга уже перешли на программирование.

Порадовавшись друг за друга, друзья решили сейчас идти в гости к Олегу. Он жил недалеко от их места встречи. На удивление, в этом году слишком тёплый август решил продлить жаркое лето. Во дворе пятиэтажного дома, в тени песочницы, возились дети под присмотром матерей. Весело поднимаясь на третий этаж, они обогнали подростка с пожилой женщиной. На мальчике были тёмные очки, в руках была трость, которой обычно пользуются слепые.

– «Это твои соседи?» – беззвучно губами спросил Кирилл.

– «Напротив нас живут», – ответил жестом Олег.

– «Да мы просто счастливчики, лучше не слышать, чем не видеть красоту, что мы видим каждый день. Как же нам повезло, что мы – можем видеть», – переглянувшись понимающими взглядами и сочувственно вздохнув, размышляли оба друга, подходя к дверям квартиры Олега.

Егор вместе с бабушкой поднимался по лестнице, когда их обогнал сосед с другом. Вчера он отметил свой пятнадцатый день рождения. За праздничным столом сидели всей семьёй, а сегодня родители решили поработать на даче, пока папа был в отпуске. Егор не хотел куда-либо ехать в жару и решил погостить несколько дней у бабушки, Светланы Леонидовны, которая обещала внуку вручить ещё один подарок, если тот побудет вместе с ней, во время отсутствия родителей дома.

После чая и лёгкого перекуса, она решила перейти к вручению подарка своему любимчику. Внук был от рождения слеп. Каких только врачей и специалистов они ни посетили, сколько порогов ни отбили, но везде выносился не утешительный вердикт. В результате, они научили Егора и самих себя – принять эту ситуацию и продолжать жить.

Светлана Леонидовна принесла из спальни коробку и положила её перед подростком. Вчера она случайно увидела, как выкладывают на прилавок пару мужских высоких замшевых зимних

ботинок. В чёрном цвете, они смотрелись утончённо элегантно. Продавец ей сказала, что покупатель, отложивший на время обувь, выкупить её не пришёл.

Егор, на ощупь открыл коробку и достал новые ботинки. От волнения у него перехватило дыхание. Пальцы ощущали мягкую замшу с бархатистой поверхностью. Нежный мех, что был внутри обуви, ласкал его руку. Лёгкими прикосновениями кончиками пальцев он прочитал рисунок на мягкой подошве ботинка. Егор был счастлив, радость переполняла сердце. На его лице был восторг и блаженство. Он давно уже мечтал о такой прекрасной обуви, но как-то стеснялся сказать об этом родным.

– «Какое счастье, что я имею руки, ноги, слышу, чувствую и живу. Какое счастье, что около меня столько любящих людей, родных и близких. А теперь такой дорогой подарок мне приготовили, о котором и мечтать стеснялся – прекрасные новые ботинки!»

ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

Думать, что кто-то другой может сделать тебя счастливым или несчастным, — просто смешно.

Будда

– «Наконец это свершилось! Всё закончилось!» – радостно думала Маришка, оставляя своё тело лежать на больничной постели. Пикали какие-то приборы, суетились врачи, пытались ещё что-то сделать. Ей было легко и весело. Минут пять она привыкала к своему новому состоянию. За это время врачи вышли из палаты, потом к её телу подошли родные, которые ранее на что-то надеялись, стоя в коридоре. Криков со слезами не было, все давно знали, что она могла умереть в любую минуту. Это длилось уже два года. Два года родные боялись этого момента, даже подсознательно уже устали его ждать. Стоявшие у её тела тихо вытирали слёзы. Подошли санитары, чтобы увезти тело в морг.

Вместе с ними из палаты вылетела и Маришка. Некоторое время она полетала по коридорам больницы, испытывая новые возможности необъяснимой лёгкости и невесомости. Из окна видела, как родные пошли домой, готовиться к похоронам. Это сейчас ей было не интересно. Более всего хотелось сделать то, о чём она думала все эти два года и что планировала в своих мечтах.

Как только она всё узнала о своей неизлечимой болезни и поняла, к чему надо готовиться, ею было принято решение исполнить свою заветную мечту. А мечта у студентки университета с географического факультета, к тому времени была одна – путешествовать, увидеть самые красивые места на планете. Она давно от кого-то слышала, что первые три дня после смерти, человеческая душа между небом и землёй. Вот тогда она и приняла решение, что будет эти три дня путешествовать, осуществляя своё заветное желание. Участвовать в организации и сидеть на своих похоронах не хотелось. Видеть слёзы родных и близких друзей было тяжело, поэтому решила иногда заглядывать домой в процессе путешествий.

План путешествий Маришка тщательно разработала год назад, подбирая самые живописные места на Земле. Память у неё была хорошая и легко запомнились самые увлекательные по красоте уголки мира. Начала свой путь она с Китая. Закрыв глаза, мысленно называла место, куда надо было попасть, и в одно мгновение оказывалась именно там. Получив наслаждение от созерцания цветных скал, прокатилась на лодочке с туристами по реке Ли, где полюбовалась прекрасным закатом, красотой гор Тяньцзи. Посидев на вершине одной из них, получила особое упоение. А «Райские врата» настолько очаровали, что даже не заметила толпы туристов. После этого решила по дороге заглянуть в бамбуковый лес Японии, но не очень понравилось однообразие, зато получила удовольствие от визита в парк Хитачи. Пропустить и не посетить Баган Маришка не смогла. До того, как навеститься домой, заглянула ещё в несколько экзотических мест во Вьетнаме.

Дома было пустынно и тихо. Никого. Скорее всего, сестра и мама искали утешения у подруг. Зеркала, как положено, были завешены. Перед своей фотографией с чёрной ленточкой, Маришка увидела рюмку с рисом, где была установлена уже потухшая свеча. Мама принесла их из церкви ещё месяц назад. Первый день заканчивался. Можно было лететь дальше, следуя своему плану.

Второе направление, которое было разработано Маришкой – посещение Америки. В Перу, Гондурасе и Мексике она просмотрела старые храмы прошлых цивилизаций. А вот Чили, Венесуэла и Бразилия показали ей всю красоту пещер, водопадов, национальных парков. Маришка почувствовала, что начинает пресыщаться великолепием природы и древними культовыми сооружениями. Решила вернуться обратно.

Дома шли приготовления к завтрашним похоронам. Приехали родственники. Все чинно сидели и не могли определиться, что делать с её, Маришкиными, вещами и одеждой.

– «Какая разница, раздайте тем, кто нуждается», – хотела сказать она, но понимала, что её никто не услышит. Выслушав решение мамы – не завозить тело домой перед похоронами, а сразу на отпевание, Маришка решила не терять время зря, слушая эти пустые разговоры.

Последние путешествия она решила посвятить готике в Европе. Кёльнский и Мюнхенский собор в Германии, Прага и собор святого Вита в Чехии – дали возможность почувствовать её душе быстротечность и конечность времени. Все соборы Англии и Франции с архитектурой средневековья, в которых Маришка побывала, постоянно обращали её мысли о душе и к божественным силам. Она была счастлива, что всё-таки исполнилась её мечта. Эти три дня она не забудет никогда.

Вернувшись обратно домой, поняла, что похороны уже идут. Отпевание в церкви только началось. Маришка, посмотрев на себя в гробу, осталась довольна. Качественно наложенный макияж бальзамировщиком, придал её лицу свежий вид, скрыв бледность. Кремовое платье, которое сшили ей ещё на выпускной вечер в школе, прекрасно сочеталось с цветом обивки гроба. Все стояли со свечками. Батюшка, бормоча молитву, ходил вокруг гроба с дымящимся кадилом.

Вдруг Маришка почувствовала, как кто-то нежно касается её рук. По бокам стояли два Ангела. Они были на метр выше её ростом, в белоснежных одеяниях. От них веяло любовью и радостью. Никто в церкви не заметил, как три фигуры плавно взлетели вверх, под купол, а потом быстро вылетели в окно.

ПОЛОМАННЫЙ РОГ

Тот, кого многие боятся,
должен сам бояться многих
Публий Сир, римский поэт

«Заявление» – довольная собой, Ольга Петровна Шишкина, поставив точку в конце слова, откинулась на спинку стула. Она не думала пасовать перед препятствиями. Всю жизнь, «идя на таран», пробивала любые стены за «торжество справедливости». Решение принято, завтра отправляется в администрацию микрорайона, где будет защищать свои права, но для начала надо изложить проблему на бумагу. Обязательно в двух экземплярах, чтобы подписанную копию забрать себе. Силу такого документа активистка знала, и использует её, чтобы оградиться от оскорбления, какое нынче нанесли ей, верующему человеку.

Вчера заглянула на чай близкая подруга, которая огорошила хозяйку неожиданным вопросом.

– «Что за чёрт у вас сидит на автобусной остановке?»

– «Не поняла, ты о чём или о ком это?» – оторопела Ольга Петровна.

– «Самое интересное, не удивлюсь, если его никто не видит. Все стоят, ждут автобус, обычно глядя в телефоны, или задумавшись о своём. Посмотреть вверх не додумаются, а он наблюдает за всеми с крыши киоска. Усмехается, ещё и рожи корчит, ухмыляясь. Ты то, как это терпишь, ведь утверждаешь, что верующая», – пристыдила её гостя.

– «Да хватит кругами ходить, ты про что вещаешь?» – уже начала злиться Шишкина.

Выяснилось, что на крыше стоящего при автобусной остановке киоска, висела реклама. На ней большими буквами было написано «домашняя кухня», а сбоку красовался пририсованный художником рогатый бес, с вилкой в руке.

– «Тут психиатрическая больница рядом, точно оттуда сбежал», – пробормотала хозяйка, растерянная таким поворотом дел.

– «Кто?» – решила уточнить подруга.

– «Кто, кто... Бес или художник, скорее второй. Завтра всё проверю», – не на шутку возбудилась Ольга Петровна.

С утра сбежав в магазин, она заглянула на остановку, где действительно увидела рогатую нечисть. Бес бесстыдно с высоты рекламы киоска лицезрел на активистку и толпу, которая терпеливо ожидала рейсовый автобус. Гонимая внутренним протестом, бывшая коммунистка, а теперь свято верующая, села писать заявление в администрацию. Пенсионерка письменно возложила на власти всю ответственность за оскорбление своих религиозных чувств. Обещала засудить их за то, что те допускают такие изображения на рекламе.

В приёмной, тяжело вздохнув, молодая девушка-секретарь приняла письменно изложенные гневные пожелания бывшей комсомолки. Зарегистрировала и тут же уткнулась в компьютер, не уделяя больше внимания посетительнице. Неожиданно, из коридора в приёмную, вбежала женщина крупного телосложения. На ходу бросив Шишкиной, «Вы ко мне? Проходите!» – тут же пригласила её к себе, в кабинет руководителя администрации.

Галина Демьяновна Потехина, как истинный партийный работник, чётко исполняла инструкцию по работе с населением. Пригласив в свои апартаменты деятельную пенсио-

нерку, внимательно выслушала её, и неподдельно удивилась, когда узнала, что рядом с администрацией, на остановке, чёрт размалёванный сидит, сверху на всех взирая. Пообещав гражданке Шишкиной, что обязательно разберётся, глава микрорайона не стала задерживать больше посетительницу. Не откладывая в долгий ящик, она тут же сделала звонок директору рынка, который контролировал и этот киоск. После того, как он пообещал в течение трёх дней исправить ситуацию, Галина Демьяновна о посетительнице забыла, надо было отправляться на городское собрание глав администраций.

Прошло два месяца. Ольга Петровна исправно ежедневно посещала автобусную остановку, чтобы удостовериться в своей победе над нечистой силой. К сожалению, бес с вилкой в руке оставался сидеть там, где ранее пристроился и не думал никуда исчезать. Он злорадно скалился, глядя на неё. И ровно через два месяца, более не дожидаясь каких-либо изменений, она вновь решительно перешагнула через порог кабинета главы микрорайона. Увидев её, Галина Демьяновна аж подскочила в кресле.

– «Что, не убрали вывеску?! Я в тот же день ходила смотреть на это безобразие, не поверив вам. Дала команду начальнику директору рынка срочно убрать рекламу», – возмущённо оправдывалась Потехина, в то же время ласково усаживая посетительницу в кресло. Вежливо, даже с ноткой заискивания, она жаловалась на нерадивых исполнителей, с которыми приходится работать. Сидя напротив активистки, с ужасом вспомнила, что у Шишкиной осталась копия заверенного заявления.

Дело принимало серьёзный оборот. Если с этой копией, Ольга Петровна пойдёт в суд, то её, главу администрации, тут же могут снять с должности. Потеряет работу, только за одно то, что не ответила на письменное обращение в течение первого месяца. А уж за оскорбление религиозных чувств обманутой пенсионерки, за нанесение ей морального ущерба, и век потом будет не расплатиться. Всё это мысленно пронеслось в голове у Галины Демьяновны, на что она тут же лихорадочно схватила телефонную трубку. Быстро набрав номер директора рынка, жёстким голосом, отрывисто и грозно бросила тому приказ – «Срочно, сию минуту, рекламу, о которой раньше говорила, убрать с киоска!».

– «Ира принеси нам чаю! – через минуту крикнула она секретарше, стараясь как-то умиловить гневную Ольгу Петровну.

– Как хорошо, что у нас проживают такие активные люди, как вы! Те, которые ведут борьбу за духовную чистоту Общества. Мы внимательно прислушиваемся к вам и стараемся помочь. Вы в курсе, что у нас уже заканчивается внутренняя отделка храма Святого Михаила? Изначально предлагалось место для его строительства рядом с вашим домом, где заброшенное футбольное поле, или чуть дальше, около Сбербанка, на пяточке. Церковный служитель тщательно обследовал все эти места своей рамочкой и через неё определял, где надо начинать постройку храма».

– «Какой рамочкой? – оторопела Ольга Петровна, надеясь, что глава микрорайона шутит.

– «Ну та, которая определяет, где благоприятное биополе, а где нет. Она в руке ещё крутится... Только на территории психиатрической больницы рамочка показала нужное положение», – пыталась объяснить принципы эзотерики хозяйка кабинета. На удивление, посетительница оказалась в этой сфере непросвещённой.

Через пять минут бывшая коммунистка вышла из администрации. Шишкина шла и вспоминала свою соседку Аню, которая на досуге увлечённо занималась мистическими практиками. Именно она когда-то рассказывала ей о такой рамочке.

Проходя мимо остановки, пенсионерка увидела, что с двух сторон киоска стоят стремянки, на которые взгромоздились два здоровых парня. Они отдирали гвоздодёрами рекламный щит. Бес продолжал презрительно усмехаться уже и над ними. Наконец парни убрали последние крепёжные детали, и щит оказался у них в руках.

Ольга Петровна, глядя в глаза плакатной нечисти, победоносно выпалила – «Тыфу на тебя!». В этот же миг, неожиданно щит выскользнул из рук молодых людей и полетел вниз, ударившись одним краем о ножку стремянки. Внимательно приглядевшись, она увидела, что в результате падения, от сильного удара там, где ранее красовался бес, отломился угол. Подойдя ближе, Ольга Петровна разглядела на отлетевшей части рекламы - половину рога нечисти.

Бес сидел на кровати лазарета, свесив свои худые ножки. В руках он держал половину своего правого рога и тяжело вздыхал.

– «Ну чем и кому мешал, а? Как меня усмотрели эти злые фурии? Одно утешает, доктор обещал приклеить рог, а иначе свои же засмеют. Как он, полуторогий, ходить будет? И кому что плохого сделал? За что меня так, а?» – тоскливо размышлял нечистый дух.

Вдруг он весело рассмеялся, вспоминая, как этим рогом крутил во все стороны рамку в руках у служителя церкви, когда тот искал место для постройки храма.

– «Вот уж наигрался я тогда, так наигрался! За это братва на меня и обиделась. Жаловались даже начальству. Построив церковь на территории психиатрической больницы, работник религиозного культа по утрам своим колокольным звоном мешает им спать. Там, как в санатории, легионы его братьев отдыхают, живя в одержимых. А доктора что понимают? Лечат, лечат и лечат. Ладно, хватит расстраиваться, завтра надо срочно половину рога посадить на своё старое место, используя эпоксидную смолу. Приклеить и отправляться на новое задание».

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕРНИСАЖ

Заботы о погребении, устройство
гробницы, пышность похорон – все
это скорее утешение живым, чем
помощь мёртвым.
Августин Блаженный

Картина первая.

Снег растаял за неделю. Сразу наступила тёплая погода, словно извиняясь за позднюю весну. Аннушка бодро вышагивала к автобусной остановке. Месяц назад отгуляли её семидесятилетие. Несмотря на возраст, недомогания, на которые она частенько жаловалась соседкам, сегодня её не беспокоили. В данное время было не до болячек. Шла на очередные похороны. Только бы не опоздать! Из-за своего мужа – алкоголика, пришлось задержаться и выйти позже намеченного времени.

Успела уже к выносу тела усопшего. Подруга вручила ей венок от родственников, и они застыли в скорбных воспоминаниях. Аннушке вспоминать было некого, покойного не знала, а пришла поддержать подругу, которая когда-то видела умершего всего один раз. Похоже, он приходился ей каким-то очень дальним родственником. Поэтому, стоя с венками в руках, вспоминали тех, кого похоронили ранее, кого ещё помнили. Наконец вынесли закрытый гроб и сразу поместили его в катафалк. Родные и близкие расселись по своим легковым машинам. Других пригласили в автобус.

Батюшка, уже с утра, провёл обряд отпевания покойного на дому, поехали сразу на кладбище. В автобусе свободно разместились все желающие и в тишине быстро доехали до места захоронения.

На кладбище, Аннушка быстро отстала от скорбящей толпы провожающих, завернув на место упокоения отца и матери. Надо было успеть прибраться рядом находящиеся могилы родителей, пока идут похороны. В сумке, что прихватила с собой из дома, находились перчатки, маленькие грабельки и другие необходимые инструменты для уборки могил. Работала быстро, постоянно прислушиваясь, не возвращаются ли люди к автобусу. Завидев их, быстро собрала инструменты и незаметно примкнула к траурной процессии.

С кладбища сразу поехали в кафе. Аннушка, довольная, что успела привести в порядок могилы у родителей, тихо общалась с подругой. Обсуждали рассаду, что подготовили уже к посадке на даче. Поминальный стол ломился от яств. Родственники оказались не бедными. Анна с подругой сели поближе к водочке. Коньяк почему-то стоял на другом столе, где восседали родные и близкие. Напротив Анны сидели какие-то странные женщины среднего возраста, которые пили в основном вино. Сначала все чинно сидели, но потом, в процессе поминального обеда, некоторые вставали и говорили о своём папе, друге, муже. Аннушка уже никого не слушала, кроме разгорячённого шёпота подруги. Обсуждали болячки её любимого кота и внешность соседа по даче. Охотно «перемыли кости» мужу Анны и его родне.

– «Заказали дорогой поминальный обед, не поскупилась, – недовольно думала Анна, ожидая любимую лёгкость, которая обычно приходила к ней после того, как в бутылке, ощутимо убавлялось содержимое. – Надо было меньше закусывать, ну никакого удовольствия. Интересно, когда следующие поминки будут? Кто раньше умрёт – сосед по подъезду или брат мужа? Оба уже вот-вот представятся».

Вернувшись домой, Аннушка с удивлением заметила, что муж почему-то трезв. Он сидел на кухне и хлебал вчерашние щи. Увидев жену – тоже удивился, что та была не в приподнятом настроении, как всегда бывало после поминок.

– «Явилась? Ну и как покойного звали? Сколько годков-то прожил?» – начал язвительно вопрошать жену, скачущий в одиночества супруг.

– «Да откуда я знаю. Родственник-то не мой, а подруги. Сходила, похоронила, помянула – всё как положено. Что ещё надо-то?» – недовольно пробурчала в ответ Анна, пытаясь вспомнить имя того, кого сегодня хоронила.

Картина вторая.

Илья Дмитриевич, сидя в поезде, принимал для себя нелёгкие решения. По возвращению домой надо будет срочно составить список необходимых дел и подумать о завещании.

–«Жизнь почти прошла. Уже под семьдесят. Пора мудро подходить к уходу в «мир иной». Тем более врачи уже не тонко об этом намекнули, – думал мужчина, рассеянно глядя в окно. – Ехать не далеко. Не смотря на это, будет время, о чём подумать».

Поездку в Москву организовали обстоятельства. Необходимо было получить консультацию у врачей. Визит к специалистам, положительных результатов и надежды не дал. Радовала только встреча с детьми и внуками, которые превратились уже в полноправных столичных жителей. Сватья, что жила недалеко от детей, решила развеять его печаль и пригласила вместе сходить в Третьяковскую галерею. Там-то его и зацепила одна из картин Перова, под названием «Проводы покойника», которую он никогда ранее не видел. Художник изобразил, как жена и двое маленьких детей, сопровождают умершего мужа и своего отца, в последний путь. Драматизм и одиночество, сквозившее от героев известного живописца, зацепили сердце Ильи Дмитриевича. Он серьёзно задумался о своём уходе из этого мира.

На следующий день, после возвращения домой, настроение немного улучшилось, но непонятная озабоченность осталась. Решил от неё избавиться, навестив своего давнего приятеля. С Матвеем они дружили уже сорок лет, познакомившись на работе, поэтому понимали друг друга с полуслова.

– «Как ты думаешь, это нормально, что я размышляю о таких вещах, как свои похороны? Обычно все стараются как-то обходить стороной подобные вопросы, пока проблемы сами не нагрянут в жизнь. А многие вообще, говорят, что «после меня – хоть потоп»,– начал развивать волнующую тему другу Илья, сидя за чашкой чая

– «Да нормально. Ты же у нас мужик основательный. Тебе и тут надо всё предусмотреть, просчитать», – старался поддержать друга Матвей, только что узнав печальную новость.

– «Ну ладно, с похоронами, тут всё понятно, но вот что делать с отпеванием. Вроде в детстве крестили, но в церковь никогда не ходил. Только жена изредка посещала её по большим праздникам, заодно с соседкой. Я думаю, что она просто скучала. У нас тут нет театров, никаких развлечений. Для молодёжи только подобие клуба сделали. Телевизор, да радио с газетами. Я даже не обращал внимания на её прогулки в храм. Её-то отпевали, тут у меня не было вопросов. А вот с собой-то что делать?» – вслух рассуждал Илья, в раздумье, постукивая пальцами по столу.

– «А ты сам себя спроси, оно тебе надо? Соборование и отпевание тоже делали моей теще. Царство ей Небесное! Обыкновенные обряды и ничего более. Ты Бога видел? Нет! Какая тебе разница, только лишние деньги платить непонятно кому и за что», – на удивление логично и трезво рассуждал друг, в надежде как можно скорее поменять печальную тему в разговоре.

Вечером, уже сидя дома, Илью Дмитриевича продолжал преследовать один и тот же вопрос: «А вдруг Бог есть? Даже невидимый. Говорят, что наши души перед ним ведут отчёт о своих делах. Надо подстраховаться, очиститься. Может к соседке заглянуть и поспрашивать обо всём этом, что сделать. Никто не знает, что нас там ждёт. Хоть соломку подстелю, чтоб не больно падать было, если где оплошал по жизни».

На следующий день, взяв чистый листок бумаги, он сел писать завещание и пожелания по вопросам похорон. В перечень необходимых печальных мероприятий, им было внесено и отпевание.

Картина третья.

Трижды помолвившись, Татьяна отправилась на похороны. В последнее время стали болеть колени. Не удивительно, ведь уже за шестьдесят лет. Несмотря на боль – идти надо. Сегодня

хоронили мужа её племянницы. Всё было просто и банально. Вместе выпивали, рассорились, он начал её бить, она, защищаясь и угрожая, схватила нож. А дальше не поняла, как случилось, что нож попал ему в самое сердце. Никто подобного и предположить не мог. Случайная поножовщина именно в этой семье – удивила даже родных. Хотя, «что греха таить», такие случаи в селе уже ранее происходили.

Когда Татьяна пришла проводить в последний путь родственника, уже все были в сборе. Как неверующего, отпевать покойного никто не собирался. Тихо сидели в доме и ждали, когда подъедет транспорт, чтобы отправиться на кладбище. Желю усопшего из-под ареста не отпустили. Детей забрали к себе её родители.

Глубоко вздохнув, Татьяна смело вышла к гробу. Посмотрев на мертвеца, она повернулась к сидящим, и громко начала говорить.

– «Сейчас мы все находимся перед бранными останками погибшего. Не праведно прожил свою жизнь и неожиданно для себя её закончил, – у собравшихся людей, пришедших проводить покойного, начали постепенно вытягиваться лица от удивления.– Разве такую жизнь приготовил Бог для него, которой он прожил? Планировал ли усопший сегодня уйти из этого мира? Самое страшное то, что покойный не успел покаяться, не зная, когда предстанет перед Судом Божиим. Чем и как он будет оправдываться на Божьем суде? Пусть каждый сейчас посмотрит на него и решит для себя, каким же он сам предстанем перед Богом. Подумайте, приняли вы Бога в своё сердце? Может сейчас именно тот момент, когда каждому из нас надо прийти к покаянию?!».

Все, кто находился в доме, и слушали этот монолог, начали переглядываться. Кто-то ухмылялся. Кто-то за её спиной крутил пальцем у виска. Кто-то отводил взгляд и что-то нашёптывал никак не реагирующему, рядом стоящему соседу. Только двое присутствующих внимательно её слушали и о чём-то размышляли.

Закончив небольшую, но ярко эмоциональную речь, которую она больше говорила своим сердцем, Татьяна вышла на улицу. Внутри её была необычайная лёгкость и умиротворение. Через минуту, следом за ней, вышли муж с женой, что жили по соседству с домом покойного. Они не спеша подошли к Татьяне и спросили о молитве покаяния.

Вечер пришёл незаметно. На сердце было радостно и спокойно. Татьяна сидела на лавке за баней и смотрела на ивняк, что спускался с берега к реке. Она мысленно благодарила Бога, что тот дал ей смелость и слово, для речи на похоронах, а также подготовил сердца двух человек, для покаяния. На ранее прошедшей, такой же печальной церемонии, было пять односельчан, которые пригласили Господа в свою жизнь.

– «Ничего, на то они и похороны, чтобы человек мог предаться размышлениям о своём бренном существовании. Во время плясок и веселья, люди об этом не задумываются. А взвешивать и анализировать свой земной путь, только когда и начинают, когда плакать приходится, проходя испытания. А чему удивляться, к Богу человек так и приходит, через пот, кровь и слёзы », – рассуждала Татьяна, наблюдая, как солнце медленно идёт к закату.

В ТИШИ ПРЕКРАСНЫЕ МОТИВЫ

Помните, тишина — иногда
самый лучший ответ на вопросы
Далай-лама XIV, духовный лидер

«Как много звуков в тишине. Именно в ней ты прочитаешь все свои мысли и познаешь своё сердце. Она поможет тебе начать диалог с Творцом, что обогащает каждого бесконечно...» – старательно выводила на бумаге пером Тишина. После долгих уговоров соседки, у которой на работе была нехватка кадров, решившись, она тщательно писала резюме, где в одном из пунктов надо было написать не более десяти строчек о себе.

Неожиданно хлопнула входная дверь. Никого в гости не ждала, но сразу же, по стуку каблучков узнала свою знакомую, что проживала в рядом стоящей квартире. Суета, вбежав на кухню соседки, схватила со стола лист бумаги. Прочитав написанное в резюме, гостью недовольно поморщилась.

– Тишинька, ну сколько можно тебя жизни то учить? Какие звуки, мысли, сердце? Никому твоё дворянское образование не нужно. Пиши по простому. Коротко и самое важное. Высокая коммуникабельность, хорошие организаторские способности, активна, дружелюбна, уживусь в любом коллективе, – тараторила Суета, одновременно по-хозяйски расставляя чашки для чая на столе.

– Дорогая, разве это так? – пыталась Тишина возражать словесному напору соседки.

– Никто смотреть твоё резюме и обсуждать не будет, итак людей работать не хватает. Поручусь за тебя, начальство меня любит. Пиши, пиши. В нашем колл-центре меня особо ценят, – не унималась торопыга и включив телевизор, уже доставала из холодильника вишнёвое варенье.

– Но как я работать буду? Вдруг не смогу? – недоумевала Тишина, глядя на капли варенья, что случайно уже оказалась на скатерти. Чайник закипел, Суета искала заварку в шкафу

– Не переживай, я тебе за пять минут расскажу что такое воронка, холодные и горячие звонки. Глубоко вникать не надо. Особо не морочь себе голову, всё просто. У меня всегда всё просто и легко! Главное пиши в резюме то, что я тебе сейчас буду диктовать. – радостно сообщила будущая коллега, уже слушая телевизионные новости.

Через неделю Тишину из колл-центра уволили. Не прошла испытательный срок, как ей сухо сказали в отделе кадров. Впечатлительная Тишина от такого поворота дел даже слегла, получив нервное потрясение. Тем же вечером её посетила Суета. Стоя в дверях, она начала недовольным тоном выговаривать хозяйке претензии.

– «Зря я на тебя понадеялась! Всё объяснила, показала. Ты сама виновата, вместо работы всё где-то витала. Одни заоблачные фантазии были, а не работа с клиентами. Как теперь я новые кадры рекомендовать должна, после того, как ты меня так подвела? Не буду задерживаться, мне бежать пора! Да, ещё забери свой телевизор, что дала тебе напрокат».

На следующее утро приехала к больной встревоженная тётюшка Мечта. Глядя на бледную и осунувшуюся Тишину, она мысленно ругала себя за опрометчивое решение отправить племянницу приобщаться к человеческой жизни. Хорошо не подумав, даже купила ей квартиру, чтобы её любимица посмотрела, как живут люди. Снабдила всем необходимым, но сразу что-то пошло ни так.

Спустя неделю, в эту же квартиру заехала шумная многодетная семья. А хозяйку тётушка Мечта увезла восстанавливать здоровье на остров Забвения.

В старом, временно пустующем доме полярного метеоролога и поселила тётушка Мечта свою племянницу. Похлопотав около ослабшей родственницы пару дней, она отбыла по своим делам к себе домой. Мечта надеясь, что сама природа затерянного среди льдов острова, поможет временно бывшей сотруднице колл-центра забыть и отвлечься от тяжёлых воспоминаний.

В окне переливалось полярное сияние. Достаточно налюбовавшись оттенками арктического свечения на небе, Тишина взяла перо и продолжила писать человеку о себе, что не успела рассказать ему в резюме.

«В моём безмолвии человек познаёт самого себя, что волнует его сердце, чем оно травмировано, что его беспокоит. Сердце, как дерево, над которым летают как вороны наши мысли. Не важно, какие мысли или сколько ворон над ним летает. Важно, какие из них вьют на этом дереве себе гнёзда. Безмятежное спокойствие откроет тебе пустые страхи и беспокойства, что уже гнездятся в тебе, как подарок суеты. Узнав о них, ты сможешь от них избавиться. В этой тишине ты будешь всё больше познавать своё сердце. Оно откроет тебе сердечные скрытые желания и мечты. Я помогу каждому, кто пожелает, когда затихает всё кругом, вспомнить самые счастливые времена своей жизни. Одновременно покрою это томящееся сердце благословенным покоем».

А вокруг старого дома полярного метеоролога стояла торжественная тишина...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Люди должны заниматься
тем, для чего созданы.
Фрэнсис Фицджеральд

Инструментальная кладовая находилась в конце цеха. В обеденный перерыв там постоянно проходило заседание местного женсовета. Состав женсовета был одним и тем же и состоял из четырёх работниц. Заведующая инструментальной кладовой тётя Зина, почитаемый всеми заводской гуру, возглавляла сию группу. За её советом прибегали озабоченные проблемами женщины из соседних цехов, а после беседы уходили окрылённые, с высоко поднятой головой. Работу секретаря и заместителя тети Зины по всем рабочим и не рабочим вопросам – кротко выполняла крановщица Валечка, почитая то за честь. Молодые фрезеровщицы Таня и Ира также активно участвовали в жизни цеха. Они не могли пропустить ни одну новость мимо, не обсудив её на обеденном заседании. Иногда в обед к ним забегала уборщица соседнего цеха, тётя Тося, принося очередную информационную «бомбу». Постоянными участниками и немymi слушателями заседаний являлись инструменты, аккуратно разложенные по коробочкам.

Сегодня, как всегда, ровно в двенадцать часов дня включались в работу микроволновка и приёмник за стеллажами. Мужской голос из динамика начал петь о рюмке водки на столе. Быстро разогрев обеды в пластиковых ёмкостях, женщины принялись за еду. После «рюмки», мужик из радио уже кричал, что он уедет жить в Лондон. За столом ели и слушали, что с ним будет дальше. Не останавливаясь на рекламу, тот же голос продолжал в песнях доказывать слушателям, какой он счастливый сто лет и о тринадцати месяцах в году. Начали заседание с обсуждения, что может сделать рюмка с мужиком – ну ладно, в Лондоне побывать, а вот тринадцать месяцев в году заставило женщин печально и серьёзно задуматься о дальнейшей судьбе этого несчастного. Плавно перешли к разговору о вчерашнем сериале стандартного пошиба, неинтересного, с предсказуемым концом. Поэтому быстро перешли к основной и самой интересной теме обсуждения – о мужчинах. Таня делилась о вчерашней разборке с мужем:

– «Нет, ну что мужику надо? Без друзей – не может! – эмоционально констатировала факт фрезеровщица. – Вечером просила вынести мусор, утром встала – мусор на месте, мужа дома нет!»

– «Да, да! Ты только не переживай, береги себя и здоровье, пригодиться», – мягко успокаивала её Валечка.

– «Скоро мужик нам будет не нужен», – глубокомысленно изрекла Ира.

Все задумались. Из приёмника уже звучал «Реквием» Моцарта. Печаль витала над их головами. Было не просто решать проблему мирового масштаба – что делать с мужиком. Тётя Зина не спеша отодвинула тарелку в сторону, вытерла салфеткой губы и глубокомысленно изрекла:

– «А это всё, потому что не выполняет мужик своего предназначения!»

– «Какое?!» – всколыхнулся воздух и все взгляды устремились на неё.

– «Историческое, девочки, историческое! Вернее сказать – Божественное! – торжественно сказала она. – Хорошо, давайте разбираться!»

Тётя Зина откинулась на спинку стула.

– «Для чего Творец создал мужчину? Выполнить как минимум три функции. Одна из них – господствовать над всем, что есть на земле – животными, птицами, рыбами. Ну и что из этого вышло? Да мало хорошего. «Красная книга» появилась! Практичный хозяин никогда ничего не потеряет, у него всё под контролем!»

Слушательницы согласно кивали головами, каждая вспоминая свою вторую половину. Все задумались. Напряжённое молчание говорило об ожидании продолжения разговора и более широкого раскрытия интригующей темы.

– «Пойдём дальше. Бог дал мужику жену! И сколько рёбер для этого взял у Адама? Одно! Почему-то не два или три, а только одно? Бог не дал Адаму гарем! – продолжала заведующая

инструментальной кладовой. – Чего тогда болтаться по бабам? Одной им мало. Изменяет жене и сам же придумывает кучу причин, научных доводов, типа – это физическая потребность у мужчин такая много женщин иметь. Или говорит – разлюбил, так возьми и полюби свою жену снова».

Все жадно ловили каждое слово.

– «И последнее, самое главное. Для чего оказался Адам в Эдеме? Чтобы общаться с Творцом, – решительно подводила итоги тётя Зина. – Сколько сегодня мужиков продолжает это общение? Не выполняет мужик своего предназначения, поэтому и живет до шестидесяти, вместо ста двадцати».

«Я не дам, Я не дам, Я не дам и не проси» – вытягивала карамельным голоском девица из динамиков приёмника. Тётя Зина с царским достоинством принялась за чаепитие. Фрезеровщицы задумчиво смотрели в окно. В воздухе витал немой исконно русский вопрос – «что делать?».

– «А что же женщина?» – неожиданно для всех Валечка повернула разговор в другое русло.

– «Тоже хороша! Сказано – в боли будешь рожать, так нет, теперь каждой второй в подарок – кесарево. А по поводу того, что муж будет господствовать над женой, как велено, и речи не идет – феминизм придумали, – коротко ответила цеховой философ. – Где Бог сказал, что женщина должна любить мужа? Он – да, должен, даже обязан, а от неё только требуется почтение и влечение, не больше. А что она делает – влюбляется! И что в результате? Только страдает или еще хуже, делает из него идола. Пылинки сдувает».

Лица у всех были мрачные и озабоченные, каждая думала о своём. Тётя Зина посмотрела на соратниц и поняла, что надо срочно подавать надежду. Смахнув крошки со стола и откашлявшись, она продолжила:

– «В прошлые выходные ходила в церковь, где прихожане были одни женщины. Мы то продолжаем общение с Творцом. Через женщину мужик покинул Рай. Глядишь, через нас туда же и вернётся. Молимся за них, девоньки, молимся. Вопрос только один, – сколько из них в Рай вернётся? Многие ли выполняют свое предназначение?»

Лица Валечки и фрезеровщиц посветлели. Осталось пять минут до окончания обеденного перерыва. Все засуетились, собирая посуду. Заседание удалось. Информация для размышления была получена до следующего заседания, которое пройдёт уже после выходных. Из приемника самодовольно голосила уже другая певичка – «Танцуй Россия и плачь Европа – у меня самая, самая, самая красивая попа».

А на стеллажах молча слушали заседание инструменты, старательно и тщательно разложенные в свои коробочки. К каждой коробочке была приложена бумажная инструкция, на которой было указано название инструмента и его предназначение.

С В Я Т О Й

«Смерть тирана кладёт конец
его могуществу;
смерть святого кладёт
начало его могуществу».
Сёрен Обю Кьеркегор

Начало IV века н.э. Никомидия.

Георгий знал, что завтра умрёт. На сердце был мир и покой. Душа жаждала лишь одного – скорее принять смерть. Близость великой встречи с Христом волновала и приводила дух в радостный трепет. Но больное, израненное тело, после жестоких пыток и истязаний требовало отдыха. Лёгкое забытье уводило его от реальности последних событий, от темницы и страданий.

В полудрёме Георгий видит себя мальчиком, которому мало в чём отказывали богатые родители. Отец семейства, как благочестивый аристократ, серьёзно относился к воспитанию и образованию сына. Поэтому наследнику много времени приходилось уделять учёбе. После занятий, мать отпускала его поиграть со сверстниками у подножья Ливанских гор, где тело будущего римского офицера вбирало сноровку и силу для предстоящих побед.

– «Как прекрасны были эти мгновения! Благодарю тебя за них, Иисус!», – но боль опять вернула узника в реальность, – ничего, уже недолго осталось переносить страдания. Но не отрекись от тебя Иисус, никогда!».

Быстро смеркалось. Незаметно подступала ночь.

– «Сожалею ли я о том, что отказался от огромной власти и открывающихся возможностях? Сожалею ли я, что раздал богатство, отпустил рабов и публично объявил себя христианином? Нет. Иисус тоже от всего отказался, как ни искушал его в пустыне сатана. Я знал, меня ждёт мученическая смерть, к которой приговаривает суд всех христиан по приказу Диоклетиана. Но намного важнее то, что скажу Христу, когда испущу дух и приду к нему. Кто, как ни я, смог бы обличить императора в жестокости и в несправедливости этих гонений?» – размышлял истерзанный узник, стараясь принять наиболее безболезненное положение тела.

Георгий уже не замечал ни зловонных запахов, ни пробегающую мимо крысу, постепенно опять проваливаясь в забытье. Это была его последняя ночь перед казнью.

Молодой легионер смотрел через решётку на истерзанное тело защитника христиан и не мог понять, почему тот не согласился сделать то, что сделал бы любой на его месте – признал бы императора богом.

– «Кто такой Христос, ради которого ты идёшь на смерть, на страшные пытки? Просто поклонись, и получи все почести, будь как все! Ты же, будучи тысяченачальником и любимцем императора – отказался от всего, даже от жизни – ради чего? Что такое ценное в Христе и в христианском учении? – размышлял римский воин, – Что за вера такая? Чем мог Иисус победить всех римских богов, что люди за ним идут в такой вере? Надо тайно спрашивать у своих знакомых. Может они знают христиан, которые смогут мне объяснить, в чём сила Христа».

Легионер стоял и продолжал смотреть на спящего, своего бывшего наставника. Молодой воин и представить не мог, что потомки через века будут почитать этого Великомученика Георгия, ставшего святым. Он стал Победоносцем – против сил зла, через верность и стойкость веры в Иисуса Христа.

1915 год. Первая мировая война, Восточный «русский» фронт.

Сегодня, военное начальство отправило Степана прислуживать фронтовому священнику, отцу Сергию. Накануне, постоянного помощника священнослужителя зацепила пуля со стороны окопов неприятеля. Вот и приходится теперь Степану вместо него ящик таскать, где лежало все необходимое для служения военного капеллана – Библия, Псалтырь, свечи, елей и многое другое. Всё это требовалось постоянно, куда бы они ни шли. При передвижении Отца Сергия вдоль линии окопов, рядовые обычно просили его освятить оружие, пока затишье. Сейчас же, капеллан с помощником спешили помазать раненых елеем, для скорого исцеления, после чего провести чин отпевания погибших.

В лазарете пришлось задержаться, где была необходима их помощь. Сёстры милосердия не успевали с перевязкой – слишком много было раненых после последней атаки. Оставив лазарет, Степан и священник помогали санитарам грузить на одни подводы раненых, на другие – убитых. Кого-то для лечения в госпиталь, кого-то уже для похорон. Документы погибших утяжелили ношу Степана, но они были необходимы, чтобы вечером, когда все уснут, отец Сергей смог написать о героической смерти каждого погибшего его родным и близким.

Со стороны окопов выстрелов слышно не было. В специальной палатке подходило к концу вечернее богослужение, куда обычно приходили все, кто мог. Тут были как офицеры, так и рядовые.

– «Всё, что перенёс великомученик Георгий и его твёрдое упование на Бога – есть пример для каждого воина!» – такими словами закончил службу отец Сергей.

У выхода из палатки стоял Тимофей и теребя усы, внимательно слушал последние слова священнослужителя. Вчера он вернулся в окопы с шестидневного отдыха в тылу. Впереди двенадцать дней на передовой и тяжёлые бои. Неизвестно, будут ли у него ещё когда-нибудь следующие шесть дней в «ближнем тылу». Там всегда есть возможность помыться, постирать и поменять своё бельё. Во время короткого отдыха, каждый воин был занят своим делом. Одни лечились от простуды, другие спасались от блох и вшей, чтобы не прихватить окопную лихорадку. Только изредка можно было видеть, как грамотный солдат читает книгу из фронтовой библиотеки, которая обычно была при капеллане.

В последние несколько дней, Тимофей часто задумывался о смерти. Сегодня, под утро, к нему во сне опять пришёл умерший отец и звал с собой.

– «Поди погибну ныне. Не зря батя снится. Видать, лишь столько лет прожить мне отложено Богом. Дарья поднимет ребят, родители помогут, вместе сейчас живут. Да и как вдове, ей пойдут выплаты, не дадут пропасть. Сегодня вечером, если получится, схожу к отцу Сергию, пусть за меня помолится. Очишусь напоследок от грехов. Попрошу, чтоб Господь придал уверенность и смелость в бою, который будет завтра, обычно с утра. А за мной дело не станет, не посрамлюсь», – думал Тимофей, направляясь в сторону близлежащей линии окопов.

В блиндаже теперь остались жить только они вдвоём с Егором. Трофима неделю назад отправили в госпиталь с «боевой психической травмой», как сказал доктор.

–«Хорошо, что я из деревенских, крепость мне с рождения сама земля дала. Ещё есть сила духа видеть трупы, раны, смерть, оторванные конечности, экскременты, крысы, вшей. А вот Трофим – не выдержал, сначала начались дикие истерики, а потом отказало зрение. Не повезло мужику!» – размышлял Тимофей, доставая из вещевого мешка свою белую рубаху.

– «Завтра надену, перед тем как идти в бой. Крест Святого Георгия надо будет натереть. Так и пойду с ним в атаку. Отдаю, Господь, в Твои руки мою жизнь, как и жизнь моих родных. Смилуйся над нами! Яви свою милость! А я уж завтра, в бою, не посрамлю Бога!» – натирая награду за храбрость, молился воин.

На следующий день, после утренней атаки, капеллан, вместе с сопровождающим его Степаном, после перевязки больных в лазарете, грузили умерших за ночь на подводы, где уже лежали убитые в последнем бою. Среди погибших выделялся один рядовой, почему-то одетый в белую рубаху. На ней, среди пятен крови, блестел крест Святого Георгия. Отец Сергей, внимательно приглядевшись к павшему в бою, вспомнил, тот был среди тех, кто вчера причащался во время служения.

– «Наверное, сам Георгий Победоносец на Небесах встречает этого героя, мужественно отдавшего жизнь за Отечество. Как и каждого, кто погибает за веру в Иисуса Христа», – вздохнув, пробормотал священнослужитель, осеняя себя крестным знамением.